

Кровь и пламя

Автор:

Дем Михайлов

Кровь и пламя

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #7

«...Старик оправлялся невероятно быстро, буквально на глазах отходя от болезни. Бледное лицо заметно порозовело и лишь глубокие тени под глазами указывали на недавно пережитый недуг. А вот я сейчас чувствовал леденящий холод, пронзающий меня с ног до головы. Казалось, что внутри живота ворочается большой кусок льда, никак не желающий таять. С благодарностью приняв глиняную кружку с обжигающим отваром, я припал к горячей жидкости, едва не обварив рот и горло, жадно делая глоток за глотком...»

Дем Михайлов

Кровь и пламя

Глава первая

Тяжелый разговор. Моя новая хибара

– С-собачий х-холод! – мои зубы выбивали частую дробь, губы дрожали – П-проклятье!

– Хорошо быть обычным человеком, да, господин? – добродушно прогудел Рикар, накидывая мне на трясущиеся плечи оленью шкуру. – Сейчас дровишек подбросим.

– С-спас-сибо! – пробормотал я, с некоторой досадой глядя на едва заметно улыбающегося отца Флатиса, протянувшего сухие ладони к жарко пылающему огню.

Старик оправлялся невероятно быстро, буквально на глазах отходя от болезни. Бледное лицо заметно порозовело, и лишь глубокие тени под глазами указывали на недавно пережитый недуг.

А вот я сейчас чувствовал ледящий холод, пронзающий меня с ног до головы. Казалось, что внутри живота ворочается большой кусок льда, никак не желающий таять. С благодарностью приняв глиняную кружку с обжигающим отваром, я припал к горячей жидкости, едва не обварив рот и горло, жадно делая глоток за глотком.

Метаморфоза из ледяного чудища обратно в человека прошла удачно, но не бесследно. Думаю, мне еще долго предстоит расплачиваться за недавнюю нечувствительность. А может, и нет – я так толком ничего и не узнал о произошедшем со мной. И сильно надеялся почерпнуть хоть какие-нибудь знания из упрямого старого священника.

Упомянутый старый священник как раз наблюдал за моей трясучкой с живейшим любопытством. Так наблюдают за раздавленной лягушкой, никак не желающей умирать.

– Ты научился пользоваться своим даром. – сухо произнес отец Флатис, начав беседу, как только Рикар тактично отошел, оставив нас наедине. Мы сидели на противоположных сторонах костра, глядя друг на друга сквозь пламя.

– Немного.

– Совсем немного. – согласился старик. – Но укрепил доспехи, оружие, инструменты.

– Верно.

– С этого дня больше не используй их. – сухой узловатый палец ткнул в пристроившийся рядом со стеной магический смерчик. – Только то, что есть в тебе самом.

– Это еще почему? – из чистого упрямства решил я уточнить. – У нас инструменты на вес золота. Надо укреплять все что есть, дабы не остаться спустя полгода с одними палками и шкурами.

– Причин две. Чем больше ты пользуешься собственным запасом сил, тем быстрее эта сила будет восстанавливаться после истощения. Не привыкай к дармовому изобилию вокруг.

– А вторая?

– Этот запас нужен мне. – коротко ответил отец Флатис. – Я боевой огненный маг, как ты уже понял. И в случае чего, в случае нападения на поселение, что ты предпочтешь? Небьющуюся кружку в своих руках или дополнительный удар огнем по врагу?

– Я понял. – после крохотной паузы кивнул я. – К смерчам не притронусь.

– Мудрое решение. Пусть они продолжают плясать и расти. Я и сам воспользуюсь ими лишь в самом крайнем случае, когда исчерпаю собственный запас сил до конца.

– Кстати, насчет магического дара... как же это он пробудился, отче?

– Он и не засыпал.

– Я про печать. Ведь якобы много лет назад дар был навсегда запечатан.

– Не был. – глухо отозвался священник. – Но это касается лишь меня одного, Корис. То дела давно уж минувших дней. Горьких и страшных для меня дней. Скажу лишь одно – каждый раз, как с моих рук срывается огонь, я вспоминаю дни, когда пережил страшное и почти непереносимое горе. Лишь вера в

Создателя и молитвы ему удержали меня от самосожжения.

– Хорошо. – вновь помедлил я с ответом, но все же принял доводы священника. – Это, и правда, не мое дело. Хотя и у нас были времена, когда магическая подмога не оказалась бы лишней. Но каждый решает сам, что за вклад он сделает в битву. И сейчас я хочу поговорить не о магии, а о том костяном кинжале, что спрятан в этой неказистой сумке.

– Он...

– Погодите, отче, – приподнял я ладонь в останавливающем жесте, – я не договорил. Костяной кинжал Тариса должен быть уничтожен. И это истина, которую мы понимаем оба. Но по неизвестной для меня причине, он до сих пор лежит в сумке, и явно никто не собирается его уничтожить. Так вот, отец Флатис, прямо сейчас я хочу услышать очень вескую причину, по которой его следует пока оставить на месте. Очень вескую причину! Настолько вескую, чтобы я, сразу и не раздумывая, согласился с ее разумностью. Не надо мне твердить про какие-то несущественные мелочи, не надо ссылаться на неисповедимость путей Церкви и тому подобную ерунду. Потому что я знаю только одну истину, о которой много раз слышал и которую имел несчастье видеть собственными глазами – этот проклятый кинжал воздействует на разум, поработывая его, беря под свой контроль. И что же я вижу сейчас? Я вижу нечто очень странное – опытный и крайне ненавидящий все темное священник из ордена Искореняющих Ересь сидит себе спокойненько у костерка и даже не думает приступить к уничтожению древнего некромантского артефакта.

– Уж не думаешь ли ты, что эта костяная мерзость поработила мой разум?

– А почему бы мне так не думать? – вопросом на вопрос ответил я, проговаривая слова нарочито мирным тоном. – Искореняющий Ересь не пытается изничтожить тьму. Тут есть над чем задуматься. Я жду ответа, святой отец. Прямо сейчас. И ответа не уклончивого как всегда, а прямого и четкого.

– А если я не отвечу?

– Либо ответите, либо мы померяемся силами прямо сейчас. – небрежно пожал я плечами, отхлебывая еще один глоток травяного отвара. – Я уже говорил и повторю еще раз – здесь только один хозяин. И это я. До тех пор, пока я жив, в

этом поселении все будет так, как я сказал. Таков уж мой характер. И это не я принес в ваш дом ужасную темную мерзость. Все наоборот. И только по моей доброте душевной мы все еще разговариваем, святой отец, а ни силушками меряемся.

– Хм... – как-то даже грустно хмыкнул священник. Отчетливо чувствовалась внезапно проклюнувшаяся тоскливая нотка. – Силушками... каким ты был дураком, таким и остался, Корис. Даже сейчас я могу затопить огнем половину двора.

– Я знаю.

– Знает он... – проворчал старик брюзгливо. – Мой разум свободен, слава Создателю. Не поддамся темному влиянию. А причина... ты же знаешь, что обладатель кинжала, истинный его обладатель, умеющий им пользоваться правильно, совершенно ничем не отличается от обычного человека? Даже в церковь заходить может, нечисть поганая, молитвы читать может! А как? Того никто и не знает. Раньше Тарис этим пользовался, ночами темную некромантию творя и людей истязая, а светлыми днями в церкви да монастыри заходя и с настоятелями беседы на мирные темы ведя. Потом старый лорд Ван Ферсис этим же пользовался, долгие годы прикидываясь благочестивым верующим дворянином. Надо узнать, как именно действует темная волшба, как именно она смешивает жизненные потоки в единое целое, как умудряется все скрыть. Понимаешь меня?

– Причина никчемна. – мгновенно ответил я. – Абсолютно никчемна. Такое знание ни к чему.

– О чем ты глаголешь?! Обладатель кинжала безнаказанно творит зло, проводит темные ритуалы, убивает людей! И при этом на нем не остается ни единого черного пятнышка!

– Убивает. – кивнул я. – Истязает. Верно. Вот только таких артефактов и не существует почти. Так что не надо изучать древние знания – надо просто уничтожить темный артефакт, и дело с концом. Никто уже им не воспользуется. А если и найдется другая такая вещица, то проницательность, дедукция и логика еще никуда не пропали.

– Что? Проницательность понятна моему разумению... а вот логика и дед... дедукция? И слов таких не ведаю.

– Дедукция. Эти слова всплывают в моей голове каждый раз, когда я думаю об убийцах. Кинжал может уберечь душу от темного клейма. Но он не защитит от взгляда невольных свидетелей, от оставленных на месте преступления следов и прочих мелочей, святой отец. Уверен, что мирных жителей в городах и селах убивают не только страшные некроманты, но и другие столь же мирные жители, причем по совершенно разным и обыденным причинам. Зависть, алчность, похоть, месть... И ведь как-то же супостатов находят? Как-то ведь доказывают их вину и привлекают к ответу, а затем и на плаху кладут под топор палача. Достаточно найти факты, сопоставить их в единую картину – и дело сделано. Никакой темный артефакт не поможет. Тот же старый лорд Ван Ферсис, когда ехал со своими слугами и ниргалами вырезать целую деревню... ни за что не поверю, что на его пути не встретилось ни одного крестьянина, бродячего торговца или следующего в родное поместье дворянина со свитой. И на обратном пути попался он на глаза прохожим людям. Ведь не стал бы он убивать всех встречных? И расследующая это дело стража или как там они называются, вполне могли бы распутать клубочек. Да вы и сами распутали! Ведь выследили же старого лорда, окружили его поместье, уже и взять его готовились, да только вот не разрешили вам идти на приступ. Что говорит о том, что кинжал не может защитить своего владельца. Старого лорда прикрыла власть светская и власть церковная, а вовсе не темная волшба. Так что нет, святой отец, скрывает кинжал тьму в душе или не скрывает – это не может быть причиной для его сохранения. Какова истинная причина, святой отец?

Повисло тяжелое молчание. Старик священник угрюмо смотрел на землю, я наклонился вперед и подбросил в начавшее угасать пламя несколько толстых и небрежно обрубленных веток.

– Лорд Ван Ферсис. Старый лорд Ван Ферсис... он обязательно придет за своим кинжалом. – наконец-то прозвучал тихий ответ. – Он обязательно за ним явится, ибо кинжал давно уже стал частью его гнилой душонки.

– Ловля на живца. – пробормотал я. – А мое поселение – та тихая бухта, где произойдет финал рыбалки. Вы часом не спятили, отче? Или забыли, что за кинжалом явится не только старый лорд, но и сам Тарис Некромант?

– Тарис все одно сюда придет. – в меня воткнулся пронзительный взгляд синих глаз. – Аль ты в этом сомневаешься?

– Пожалуй, что нет. Так к чему мне лишний повод для привлечения Тариса?

– Я уже слышал полный рассказ о твоих похождениях, пока ты штурмовал вражеский лагерь у входа в ущелье. – усмехнулся священник. – Ты сбросил гробницу Тариса в вонючую воду! Вместе с самим принцем! Думаешь, он простит тебе такое унижение? Думаешь, он сумеет забыть о таком оскорблении? Он обязательно придет по твою душу, дабы выместить свою злобу! А кинжал... это лишь мелочь. Ибо если Тарис сумел создать однажды пару подобных артефактов, сумеет повторить свой успех. А вот для старого лорда Ван Ферсис кинжал Младший Близнец стал настоящей драгоценностью, любимой игрушкой, продолжением руки и частью души. Он ни за что не отступится от попыток вернуть его – за это время я изрядно изучил этого приспешника древней тьмы.

– Да и черт с этим проклятым лордом! – прорычал я, начиная терять душевное равновесие. – Пусть делает что хочет, лишь бы подальше отсюда! Зачем мне еще один темный под стенами? Зачем мне еще одна угроза?

– Чтобы уничтожить старого лорда раз и навсегда. И сжечь его останки на погребальном костре и развеять прах по миру!

– Мне это зачем?! Я уже повторяюсь и повторяюсь, но произнесу эти слова еще раз – назовите мне вескую причину, дающую хоть один повод не уничтожать кинжал! Мне глубоко плевать на старого лорда. Дышит он или уже погрызен могильными червями – мне плевать! Ровно до тех пор, пока он не явится сюда ради своего любимого кинжала! И для меня он всего лишь очередная угроза! Еще один некромант! Именно поэтому кинжал надо уничтожить здесь и сейчас. И я с радостью нанесу первый удар по нему!

– Как ты не понимаешь?! – хриплый голос священника задрожал от сдерживаемой ярости. – Мы заманим его сюда и уничтожим!

– Нет, это вы не понимаете, отче! – сорвался я на крик. – Мне НЕ нужен еще один отряд под МОИМИ стенами! Я НЕ хочу заманивать сюда врагов! Это не ловушка! Это наш дом! Здесь живут наши женщины и наши дети! И это место никак не подходит для постоянных схваток с нежитью, некромантами и восставшими из

мертвых древними правителями и полководцами! Мы уже истерзаны, изранены, истекаем кровью и озираемся по сторонам, словно загнанные охотниками звери! Со всех сторон стягивается кольцо врагов! А вы хотите еще и увеличить их число?! За время нашего разговора я так и не услышал ни единой на самом деле серьезной причины для сохранения темного артефакта. И слыша ваши отговорки, святой отец, я все больше убеждаюсь, что вы находитесь под темной властью костяного кинжала, раз настолько сильно пытаетесь его сохранить, придумывая ничтожные причины! И я устал слушать пустые слова... отец Флатис! Пришло время уничтожить костяной кинжал Младший Близнец раз и навсегда! Отдайте его мне!

– Нет... – скупой и наполненный решимостью ответ прозвучал в полной тишине как приговор. Не осталось ни малейшего выбора.

Я не стал вставать, даже не отбросил оленью шкуру покрывавшую мое озябшее тело. Я просто поднял одну руку и щелкнул пальцами.

Сверху донесся сдвоенный гул спущенной тетивы и два резких щелчка. У ног старого священника в землю вонзилось два арбалетных болта, уйдя в грязь по самое основание.

– С огнем шутишь, мальчишка... – тихо произнес утирающий со щеки брызги грязи священник, поднимая на меня жесткий взгляд. И в этом тихом голосе мне послышался рев разгорающегося пожара...

– Скорее показываю свою решимость. – улыбнулся я в ответ. – И свою обеспокоенность. Поставьте себя на мое место, святой отец. Чтобы вы сделали, заявись я в ваш дом с темным артефактом за пазухой? А? Что бы сделали? Я и сам знаю ответ – давно бы уж кричал я, пытаюсь сбить со своего тела языки волшебного пламени! Разве не так?

– Так... – старик опустил голову, напрягшиеся было кисти рук вновь мирно протянулись к внезапно загудевшему огню. Мне в лицо пыхнул жар. – Все так...

– Но кинжал уничтожать не собираетесь... – констатировал я, верно истолковав выражение изборожденного глубокими морщинами лица. – Почему? Только на этот раз я хочу услышать правду.

– Давно... очень давно, когда я только-только вышел из стен Магической Академии и был преисполнен счастьем и радостью молодого боевого мага, женатого на очаровательнейшей девушке... тогда случилось нечто, что навсегда перевернуло мою жизнь и стерло из нее все светлое. Тогда я потерял свою беременную жену, бывшую уже на седьмом месяце...

– Она погибла...

– Погибла от моих рук. Я убил ее. Сжег собственным даром, вместе с двумя сотнями прочих ни в чем неповинных людей. Я уничтожил целую деревню. Старики, мужчины, женщины, дети... и моя жена с моим сыном в чреве. Я убил их всех самым жестоким образом. Я сжег их заживо! Ты, мальчишка, все время твердишь столь мудрые слова как: «поставь себя на мое место». Лучше ты поставь себя на мое место! Представь, как с твоих рук срывается огненный сноп, сжигая близкого тебе человека! Представь корчащиеся в муках детские лица и воющих матерей объятых беспощадным пламенем, но все еще тянущихся к своим умирающим детям! И представь, что все это дело твоих рук! Представил?! Поставил себя на мое место?! – почти выкрикнул изможденный старик, мирно горящий костер с ревом превратился в огненный столб, заставив меня отшатнуться.

– Нет. – тихо признал я. – Такое невозможно представить. Только пережить самому. Поэтому вы и подались в лоно церкви, святой отец?

– Да... только там мой балансирующий на грани безумия разум сумел удержаться и не рухнуть в бездну. И только поэтому я не наложил на себя руки. Священники умеют утешать, умеют унять скорбь. Долго рассказывать, с чего все началось тогда, но теперь ты знаешь, чем все закончилось – выжженным пепелищем и редкими обугленными костями. От моей жены и не рождённого ребенка остался только прах, смешавшийся с черной землей и золой. Мне нечего было хоронить... некого было поцеловать на прощание.

– Никакие слова мира не сумеют утешить пережившего такое человека. Это страшно. Поэтому я не буду и пытаться, хотя видит Создатель – я сочувствую. Но причем здесь проклятый темный артефакт?

– Ни при чем. Это лишь приманка для человека, по чьей вине все это и случилось. Именно его деяния привели к трагедии и заставили меня стать

палачом для собственной семьи. Помнишь, я рассказывал тебе историю про небольшое селение, где все жители до единого стали нежитью? И про священника, поработанного кинжалом?

- Такое не забудешь.

- Представляешь, тогда я стоял бок о бок с виновником и защищал его своими молитвами... виновный в том, что случилось десятки лет назад, стоял рядом со мной! Я узнал об этом лишь недавно... когда мы устроили засаду у поместья этого дворянина с древней родословной по совсем другой причине, по подозрению в вырезании деревень, творению черных ритуалов и владении костяным кинжалом. В одну из особо темных ночей нам удалось пленить старика, оказавшегося одним из слуг в родовом замке Ван Ферсис. Старик служил лорду всю свою жизнь, сопровождал его в каждом путешествии, пока окончательно не состарился и не потерял былую прыть и выносливость. Теперь он доживал остаток дней в замке своего хозяина. И у его поместья оказался лишь по необходимости, приехав в город по хозяйственным делам и решив на ночь остановиться в домике для прислуги. Но мы взяли его до того, как он вошел внутрь, и отвезли в один из закрытых церковных монастырей. Старик был упрям, верен до фанатичности, он молчал, несмотря на все пытки, Корис, стоически терпел боль, смеялся над палачами, когда те вгоняли ему раскаленные иглы под ногти. Мы уже было отчаялись, но один раз старый слуга в бреду произнес название местности столь памятной мне и навсегда выжженной у меня в мозгу. После этого за него взялся я сам... и вскоре из его дымящегося рта полились первые слова.

- погоди! В смерти твоей семьи повинен старый лорд Ван Ферсис? Ты клонишь к этому? Личная месть? Вендетта?!

Словно не услышав, священник монотонным голосом продолжал:

- Старый слуга рассказал мне все. О том, как десятилетия назад вместе со своим молодым хозяином они рыскали по уголкам страны и выискивали древние тексты. Хозяин был жаден до сакральных знаний, мечтал добиться настоящего могущества, собирал рассыпающиеся книги, свитки, выискивал полустертые знаки, обыскивал руины. Тогда еще совсем юный лорд Ван Ферсис обладал невероятным честолюбием и жаждой власти. Его не удовлетворял сильный дар ментального мага, этого ему было мало. И в одно из таких путешествий они и оказались в том надежно запечатанном месте. Именно он вскрыл печати и

пробудил спящее внутри древнее зло! Они ничего не нашли внутри и благополучно покинули подземное захоронение. А вслед за ними наружу выползла давно позабытая болезнь, что в свое время унесла сотни тысяч жизней. Болезнь, что так и не была побеждена, против нее не было найдено лекарство. Она унялась сама, когда для нее не осталось пищи. Но не исчезла, а затаилась в мертвых костях, потревоженных лордом Ван Ферсис!

Старик замолк, а я не захотел нарушать тишину, глядя в продолжающий реветь огненный столб – именно это бушующее пламя выражало эмоции отца Флатиса, а не его застывшее лицо.

– Видно сам Темный благоволил дерзкому юнцу, возжелавшему могущества. Он и его слуги ушли благополучно, не заразились. Они попросту не дошли до самых отдаленных помещений, где вповалку лежали истлевшие тела погибших от страшной болезни. Те люди, давно уж погибшие в страшных муках, на своих покрытых ужасными язвами ногах сами ушли туда, унося с собой больных детей и ведь под руку стариков! Там они и умерли во тьме, похороненные заживо. Умерли без поминальных ритуалов и молитв, умерли словно собаки, пойдя на такую смерть только ради того, чтобы и болезнь ушла вместе с ними в подземелье! А когда их покой был нарушен... они восстали в виде ужасной нежити, лишенной разума и сострадания. И эта нежить вышла сквозь распечатанные двери! Принеся с собой не только глодающий их голод и жажду крови, но и давно позабытую болезнь! И это привело к гибели множества людей! Это сделало меня убийцей родичей! Детоубийцей! Я собственноручно выжег своего еще не родившегося сына из чрева своей жены!!! Ты представляешь, каково это?! И все из-за чего? Из-за человека, осмелившегося нарушить покой мертвых только ради острых ощущений и жажды могущества?! Из-за человека, оставившего двери могильника открытыми?! Ты спрашивал про личную месть? Да! Я жажду уничтожить проклятого старого лорда Ван Ферсис! За этим человеком, за этой нелюдью, следует сама смерть! Она его вечный спутник, его закадычный друг! Он давно заслужил кару! Когда я получил сломанный тобой костяной кинжал, я хотел выждать в небольшом отдаленном от городов месте, хотел дожидаться явления своего врага и уничтожить его! Но вместо него приходили лишь слуги, его приспешники, ничего не знающие, кроме порученного им приказа. Он сам не высовывался из своей крысиной норы, куда забился после разоблачения. Поэтому я ушел в Дикие Земли и унес его любимейшую игрушку с собой. Он как капризное дитя с ужасным характером. Рано или поздно он обязательно придет за кинжалом. Он сроднился с ним. Слилсь в единое целое. Он будет сознавать всю опасность, он поймет, что его заманивают в ловушку, но он все равно придет! Кинжал давно уже поработил

его. Именно поэтому я не буду уничтожать артефакт и никому не позволю этого сделать. Я дождусь появления лорда Ван Ферсис и выжгу его мерзкую душу из порочного тела! Я буду смотреть в его тлеющие глаза до тех пор, пока в них не угаснет последняя искорка жизни! Вот тебе моя причина, барон Корис Ван Исер! Достояна ли она на этот раз? Весома ли?

– Да. – медленно кивнул я, столь же медленно поднимаясь и ероша так непривычно легкие и послушные волосы – Да. Эта причина очень весома... для тебя. И заманивая сюда старого лорда, ты вновь забываешь о нас. Я не виню тебя за такую черствость. Долгие годы ты холил и лелеял свою ненависть, возвращая ее словно ядовитый цветок. А сейчас все это прорвалось словно давно созревший гнойный чирей. Я более чем уверен, что лежащий в сумке кинжал во многом повлиял на этот... на этот выбор и на это решение. Это не тот старый и ворчливый священник отец Флатис, которого я знал. Сейчас я вижу перед собой взбешенного боевого мага Флатиса, готового обрушить свою огненную ярость на любого.

– Лорд Ван Ферсис и тебе причинил немало бед. Он сломал много судеб! И если его наконец-то не остановить, он убьет еще очень многих! Ты забыл, что он сотворил с тобой? Ты забыл, как очутился здесь? И я не удивлюсь, если именно он повлиял на приговор судей, когда те решали твою судьбу. Для тех, кто посмел пролить королевскую кровь Ван Санти есть лишь одно наказание – и это смерть, а не изгнание! И ни один из дворянских родов не осудил бы короля и судей за такой приговор, ибо кровная месть свята для них. Но вместо казни на плахе тебя отправили в Дикие Земли, вместе со всеми ни в чем неповинными людьми! Ты сам ненавидишь старого проклятого лорда, чтоб его душа вечно горела в адском огне! Так почему же ты не хочешь дождаться его появления и посмотреть, как я буду выдавливать из него жизнь по капле? Почему не хочешь увидеть катящиеся по его обожженным щекам огненные слезы?

– Я хочу. – не задумываясь сказал я чистую правду. – Буду рад месту в первых рядах. Но сейчас речь о другом. И если у некогда миролюбивого священника осталась хоть крупица здравого смысла, я хочу, чтобы сейчас он ненадолго вынырнул из моря огненной ярости и прислушался к моим словам. Отец Флатис... кинжал сводит людей с ума. Подчиняет их себе. И если бы это был один из моих воинов, обычных воинов, я бы не тревожился так сильно. Но сейчас у меня во дворе сидит могущественнейший боевой огненный маг. И если кинжал выиграет эту битву умов, если тьма поглотит ваш разум... один взмах руки, и десятки людей захлебнутся выжигающим легким огнем. Я не пойду на такой риск. Я

предпочту умереть здесь и сейчас, ввязавшись, возможно. в безнадежный для меня поединок с вами, но пока я дышу, я не позволю оставаться темному артефакту в ваших руках.

– Ты стал совсем другим, Корис. – глядя мне в глаза, произнес священник. – И так... мы пришли к неизбежному? Я хочу сохранить кинжал, а ты хочешь его уничтожить... и для нас остался лишь один путь?

– Нет. – качнул я головой. – Даже если я умру, вы проживете ненамного дольше меня. Может быть, на пару вдохов. Я и правда стал другим. Теперь к любой битве я готовлюсь гораздо тщательнее, отец Флатис. Умереть самому... этого я не боюсь. Я уже умирал. И меня отправили обратно на эту грешную землю, ибо моего имени просто не нашлось в божественных списках.

– Отправили обратно... – в глазах старика появилась задумчивость, будто он что-то вспоминал. – Вот оно как...

– Да, лежа на промерзшем берегу мертвого озера, я понял, что на небесах мне не рады, да и в ад забрать не торопятся. Но у меня осталось еще много дел здесь, так что я не в претензии. Отец Флатис, у нас есть еще один выход. Еще один путь.

– Какой же?

– Отдайте кинжал мне. – ответил я. – Пусть он будет у меня. Хотя бы потому, что мне можно доверять, ибо в свое время, когда я ненадолго стал его очередным хозяином, я распорядился им вопреки его воле, разломив на части и выбросив обломки в море. И при этом не ощутил никакого влияния на свой разум. Я услышал тихий вкрадчивый шепот, но всего лишь шепот, никак не повлиявший на мои поступки. Для меня это не больше чем надоедливый шум. И потому я не поддамся воле кинжала и огражу от него остальных, не превратившись при этом в убийцу невинных людей.

Вытянув руку ладонью вверх, я заглянул в набрякшие и покрасневшие глаза старика и мягко попросил:

– Отдайте его мне, святой отец. Отдайте.

Неотрывно глядя на мою руку, отец Флатис шевельнул губами, хотел было что-то сказать, но я его остановил:

– Время слов прошло, отче. Отдайте кинжал, либо бейтесь за него. Выбор за вами.

Прошла долгая минута. Время словно застыло, стало тягучим, каждая секунда тянулась невыносимо долго. Мы молча глядели друг на друга. Старик, сидящий на бревне у костра с багровым пламенем, и стоящий перед ним мужчина с усталым лицом и запавшими глазами. Где-то наверху так же застыли стрелки, замерли у большого камня гномы, готовые обрушить его вниз в любой момент. Внутри постройки, на полу бился скрученный веревками седоволосый парень, сдавленно мыча сквозь кляп. Замер в углу бледный как смерть паренек Стефий. Тихо стояли женщины, прижав к себе детей. Все поселение ждало решения изможденного старика...

Весь мир, казалось, облегченно выдохнул, когда на мою ладонь опустилась деревянная шкатулка, внутри которой я ощутил присутствие чего-то знакомого. На мгновение задержав ладонь на крышке шкатулки, отец Флатис отступил назад и вновь опустился на бревно, вперив взгляд в начавшее затухать пламя.

Осторожно приоткрыв крышку, я взглянул на содержимое шкатулки и невольно скривил губы от омерзения – на секунду мне показалось, что внутри не обломки странно изогнутого кинжала, а сотня копошащихся трупных червей. Жирных белесых безглазых червей...

Я не услышал ни единого отголоска призрачного голоса. Внутренним чутьем бывшей нежити я отчетливо чувствовал таящуюся внутри двух обломков смертельную опасность. Темная сущность затаилась словно в испуге, оставаясь безмолвной и внимательно изучая меня, даже не пытаясь воздействовать на мой разум каким-либо изощренным способом. Ни богатых посулов, ни вкрадчивого голоса, ни единой попытки порабощения. Будь передо мной живое существо, я бы сказал, что оно очень испугано.

Не убирая с лица брезгливую усмешку, я тихо процедил:

– Вижу, ты меня еще не забыл, костяной уродец.

– Ты не чувствуешь ничего? – спросил священник, глядя с каким спокойствием и безразличием я взираю на обломки древнего темного кинжала.

– Ничего. Разве что подкатывающую к горлу тошноту, настоль мерзко это творение. – ответил я, захлопывая небольшую шкатулку и убирая ее в сумку.

– Я говорил не про кинжал. – прошелестел отец Флатис, неосознанно расправивший плечи и выпрямившийся. Он словно помолодел лет на пятнадцать, едва только принял решение и отдал мне Младшего Близнеца. Несколько затуманенный ранее взгляд просветлел, налился жизнью.

– Не про кинжал?

– Про силу святой молитвы. – пояснил священник. – Над этой шкатулкой молились мы все, долгие часы читая ослабляющие и отпугивающее темное зло молитвы, посыпая молотой Райменной и окуривая этим же дымом. И ты, что еще вчера был темной нежитью, только что держал налитанную силой Создатель вещь в руках и даже не поморщился. Сие есть либо происки Темного, либо чудо, явленное Создателем Милостивым.

– Скажу так, святой отец, – взглянул я на старика, – чудом божьим здесь и не пахнет. Не думаю, что Создатель явил мне свою милость после того, как я буквально искупался в крови сотни шурдов и гоблинов.

– Смелые слова, если учесть что обращены они к священнику из ордена Искореняющих Ересь. – с проснувшимся сарказмом заметил отец Флатис. – Впервые слышу столь откровенное признание в причастии к ереси.

– Не помню, чтобы я причащался к чему-либо. Через день-другой мы вернемся к этой беседе, отче. Я и сам не прочь узнать побольше. И прошу: если всплывет в разуме что-нибудь похожее на мой случай, уж не забудьте, поделитесь воспоминаниями и со мной тоже. – усмехнулся я и зычно окликнул: – Рикар!

– Да, господин! – широкоплечая фигура появилась так быстро, словно выросла прямо из-под земли.

– Теперь наш добрый святой отец может спокойно вернуться к пастве. – буркнул я. – То бишь – тащите старче нашего в его старую обитель к Стефию. Пусть отогревается. Потом распорядись, чтобы принесли сюда запас дров, нормальный крепкий стол, широкую лавку и пару волчьих шкур. А также позови наших мастеров Древина и Дровина.

– Ясно, господин. А Койн?

– С камнем здесь работать не придется, – улыбнулся я, – только с деревом.

– Работать? С деревом? – попытался понять мою затею здоровяк.

– Выполний! – отрезал я, наклоняясь и подбрасывая в костер последний хворост.

– Отец Флатис! – гаркнул Рикар.

– Тащить меня не надо! – сурово отрезал священник, легко поднимаясь на ноги. – Сам дойду! И скажи тем грешникам убогим, кто в меня из арбалетов стрелять вздумал, что пусть мне на глаза рожи свои и не кажут даже! Ишь, чего удумали – священникам в спины стрелять! Как их земля еще носит!

– Святой отец! – откуда-то сверху скорбно возопил знакомый голос Литаса. – Не в вас же стреляли-то! В землю! Для острастки... сами понимаете!

– Не понимаю! Помолюсь вот сейчас Создателю, пушай нашлет на тебя корчу! Чтобы скрючило руки твои как корни древесные! Чтобы даже ложку в пальцах удержать не мог!

– Святой отец! – уже буквально взвыл Литас. – Мы же люди подневольные! Что приказали – то и делаем! Нет в этом вины нашей!

– Ну-ну! – громко и отчетливо произнес я.

Литас больше не проронил ни звука, явно пытаюсь понять, что делать дальше. И на господина валить все нельзя и ответственность на себя брать не хочется. Пока он раздумывал, кутающийся в одеяло святой отец уже добрался до пристройки.

– Отче! – вспомнив былое, окликнул я его. – А помните про перышко писчее, донельзя магическое? Как бы оно мне сейчас пригодилось!

– Что священнику дадено – то Богу дадено! – рыкнул высокий старик и, одарив меня последним обжигающим взглядом, зашел внутрь.

Горько вздохнув, я почесал затылок, наслаждаясь прикосновением к нормальной теплой коже и сухим послушным волосам. А затем принялся выкладывать на стол все содержимое своей донельзя истрепавшейся сумки. Надо бы хорошенько почистить ее, а затем отдать женщинам – пуцай заштопают...

* * *

В нашем поселении появилась новая постройка.

А у меня появился дом.

Хотя «дом» – это слишком громкое слово для приютившего меня сооружения.

Изначально я попросил сделать для меня обычный навес, примыкавший к углу, образованному защитной стеной и скалой Подковы. Была бы защита от дождей, а остальное меня не слишком беспокоило.

Выслушавшие мою задумку Древин с Дровином поняли все с полуслова, но по свойственной им привычке значительно расширили и углубили план работ. Они бы и вовсе разошлись на полную катушку, но я вовремя вмешался и остановил их безудержный размах.

В итоге я стал обладателем хибары с двумя каменными стенами и двумя плетеными из веток и жердей, обмазанных глиной. Крыша была точно такой же. Внутри, у скальной стены, притулилась широкая скамья с парой шкур, служащая мне кроватью. Посреди стоял стол, нагруженный моими немногочисленными пожитками. На еще одном, более узком и только что сооруженном столе у основания защитной стены, лежали части моего ниргальего доспеха.

Окон не было, вместо двери оленья шкура, но подобных условий мне было более чем достаточно. Еще недавно я легко выдерживал холод и пронзительный ветер, теперь же, когда моя кожа вернула былую чувствительность, мне понадобилось убежище.

Навес выдавался вперед, нависал над передней стеной, поддерживаемый еще двумя тонкими бревнами вбитыми в землю. Под этим навесом я распорядился поставить один из столов, на котором некогда «разделявали» погибшего ниргала, и окружить его лавками. Поодаль выложенный камнями простенький очаг и запас дров.

Тем самым получилось удобное место, отвечающее всем моим требованиям. Есть где укрыться от дождя и редкого здесь ветра, есть где собраться и обсудить насущные дела.

С моим переселением вновь ничего не вышло, потому как пока я ношу с собой древний артефакт, я не рискну спать в окружении людей. Мне вновь суждено жить отшельником на отшибе еще и потому, что я решил не рисковать чужими жизнями до тех пор, пока наверняка не разберусь со своим состоянием. Внешне я совсем как обычный человек, а вот что кроется внутри?

Костяной кинжал для жертвоприношений... священник не сказал ни слова об этом, но я уяснил и без слов, что отец Флатис оставляет выбор судьбы артефакта за мной.

Уничтожу я его или пока придержу – решать мне.

Именно этим я сейчас и занимался – пытался принять решение, одновременно празднуя новоселье и уплетая за обе щеки мясную похлебку с грибами. Вкусно. Очень вкусно. И, кстати говоря, приготовлено по гномьему рецепту, признанному нашей старшей кухаркой. Если гномы всегда так сытно питались, сидя у себя в подземельях, то им можно только позавидовать. На глиняной тарелке у моего локтя лежало несколько зеленоватых лепешек, основными ингредиентами которых были опять же гномьи грибы, немного светящегося мха, высаженного коротышками в большой пещере у озера, и животный жир, вытопленный из оленьих туш. Тем же самым сейчас питались сидящие в кухонной пристройке усталые люди и гномы. Довершал ужин горячий травяной отвар с добавлением лесных ягод, чей запас уже подходил к концу. А завтра в меню будет рыбный

суп.

И если бы не проклятые враги, готовящиеся осадить наш дом, я был бы самым счастливым человеком в Диких Землях. Без малейшего преувеличения. Поселение твердо стояло на ногах, имелись запасы на черный день, выстроены надежные укрытия от непогоды, а также были неиссякаемые источники воды, рыбы, грибов. Нас обошли стороной болезни. Потихоньку рождались дети. В курятнике резко прибавилось птицы, того и гляди курятина станет куда чаще появляться в наших тарелках вместо надоевшей оленины и кабанятины. Лошади и коровы чувствовали себя великолепно, наслаждаясь искренней и неусыпной заботой. Вон коняшки вышли прогуляться по двору, чтобы размять застоявшиеся мышцы. После того как я более-менее овладел своим магическим даром, мне удалось укрепить рабочий инструмент. У наших детей даже имеется подобие школы! Пусть ущербной, пусть однобокой в чем-то, но там учат читать и писать! У нас есть и библиотека! Небольшая, но есть!

Золото! Даже оно имеется! Как и драгоценные камни. Вполне по силам собрать и отправить к Пограничной Стене караван для покупки необходимых нам вещей, что мы не можем произвести самостоятельно. И ради поиска новых людей, готовых отправиться вглубь Диких Земель ради обретения нового дома. Мало ли разорившихся крестьян или ремесленников, потерявших все по той или иной причине? Да, среди них затешутся и закоренелые преступники, но до тех пор, пока существует клятва крови, пока поселение столь мало, что каждый на виду... особых проблем не возникнет, учитывая, как мои люди владеют оружием.

И все это достигнутое нашим невероятным трудом счастье омрачалось только присутствием врагов, никак не желающих оставить нас в покое!

Не сдержавшись, я грохнул кулаком по столу.

– Горячо? – буднично поинтересовался сидящий напротив Рикар, невозмутимо наворачивая похлебку. Я распорядился о наборе блюд для одного, но моя бородатая нянька подсуетилась, и сейчас я ужинал в плотной компании, включающей не только людей, но и Койна. Все главные в сборе. За исключением отца Флатиса, отлеживающегося внутри пещеры.

– Горько! – ответил я. – Только не от еды, что очень вкусна, а от злобы, меня душащей! Что делать будем? Как отбиваться станем?

- Как всегда. - пожал плечами Рикар.

- Верно. - басовито произнес Койн. - Как всегда. Но там, под скалой, а не здесь. Узкие коридоры, исполинская каменная тяжесть над головами врагов... им придется потратить годы, чтобы добраться до нас.

- И все это бросить? - привставший Тезка ткнул зажатой в кулаке ложкой в сторону хозяйственных строений. - Разнесут все по камешку!

- Пусть разносят! - фыркнул я. - Меньше всего я переживаю о сараях. Нельзя терять людей и гномов. Нельзя!

- Не бывает войны без потерь.

- А это не война, Рикар! Это будет бессмысленная бойня, где живые будут пытаться устоять перед натиском восставших мертвяков, костяных пауков и прочих ужасных тварей. Я обдумываю все раз за разом и все больше склоняюсь к предложению Койна - нам надо уходить под землю.

- Под камень! - поправил меня гном.

- Под камень. - согласился я. - Поэтому мой приказ будет следующим - пока все тихо, продолжаем жить как жили, но с завтрашнего дня все свободные мужчины отправляются вниз и начинают строительство. Нам нужны дома, нужно свободное пространство, где все мы сможем разместиться. Подготовьте места для хранения сена, загоны для животных. Койн, ты наверняка уже изучил все уголки Приозерной пещеры, так что покажешь, что и как.

- И поможем, чем можем! - подтвердил гном и удивленно моргнул, заметив как я отрицательно качнул головой.

- Вы закончите новый дом для снежных сгархов, - пояснил я, - как можно скорей. Затем сообща перенесем туда запасы снега и льда из ледников и их нынешних нор. А затем, в ночное время, постараемся разбудить их и заставить перебраться на новое место. Причем сделать это надо еще до того, как начнется возможная осада. Если новые логова будут готовы завтра - значит, завтра же я разбужу Трехпалого. Так же на вас завершение работ над плитой,

перегораживающей черный вход под Подкову.

- Мы не примем бой... - хмыкнул Рикар.

- Если силы противника окажутся столь большими, как я ожидаю, то не примем. - мрачно кивнул я. - Пусть себе вторгаются в наш двор и пытаются прогрызть гранит скалы. А мы будем сидеть в своей норке и тихо ждать, пока эти твари окончательно не выдохнутся. Изредка, если получится, будем делать вылазки и творить мелкие пакости.

- Метатель снимать со скалы?

- Пока пусть стоит на месте. А вот ту вертикальную шахту, что вы начали бить к самой пещере... ее надо бы доделать и хорошенько запечатать и замаскировать. В случае чего, я буду рад возможности подняться на господствующую высоту с десятком метких стрелков и хорошенько нашпиговать шурдов стрелами. Особенно если целиться в их старейшин, походных вождей, а то и в Риза или даже самого Тариса. В общем, дел у нас очень много. И все их надо завершить до того, как начнутся горячие деньги. Скажу одно - я никогда не сдамся и никому из вас не позволю. Отступление - еще не значит поражение. Поэтому никому не позволяйте падать духом! Пусть все знают, что мы здесь живем и дальше жить будем. И что наш дом не только над скалой, но и под скалой! Передайте мои слова каждому! Вразумите каждого! У нас есть чем ответить врагу. Верные мечи и щиты, святая сила монахов, огненная магия отца Флатиса - пусть попробуют сунуться! Так и передайте всем - нас отсюда никто не прогонит! Это наш дом и биться за него мы будем яростно!

Глава вторая

Гномий град под скалой. Древняя легенда у стены!

С момента нашего последнего разговора и моих распоряжений прошло три дня.

Три тяжелых для всех без исключения дня, что давно уже для нас стало обыденностью в этих суровых землях.

Вовсю пользуясь своей восстановившейся терпимостью к теплу и даже к жару, за эти три дня я побывал в каждом уголке поселения, предпочтя наконец-то увидеть все собственными глазами, как и подобает рачительному хозяину.

Доверяй, но проверяй. Я верил многим. И доверял многим. Но каждый может ошибаться и выдавать за действительность даже то, чему еще далеко до завершения.

И поэтому, выслушав крайне оптимистичный доклад выбравшегося наверх непоседливого молодого гнома Тиксы, я покивал, соглашаясь с его утверждениями о развернувшемся строительстве в приозерной пещере, а затем поднял свой оттаявший зад и отправился взглянуть на все самолично. Проводником выступал тот же Тикса – по его собственной инициативе, так как заблудиться в единственном широком коридоре было невозможно.

Только я и гном – остальные были слишком заняты навалившейся работой. И за время короткого путешествия коротышка успел вывалить на меня целую кучу историй о случившихся событиях, включающих в себя даже упоминание жены, наградившей мужа-гнома ударом по лбу за попытку порчи стены в родном доме. И о молотке, упавшем кому-то на большой палец ноги. При этом по исконной гномьей привычке Тикса, даже разговаривая, умудрялся то и дело тукнуть молотком по какому-нибудь камню или же подобрать с пола горстку каменной крошки.

Когда мы оказались у памятного мне обрыва, я узрел узкую каменную лестницу, ведущую вниз. Не вырубленную в камне, а сложенную из него, причем ступеньками выступали толстые пластины гранита, красиво и ровно уложенные. Лестница узковата, но с жидким потоком ходоков справлялась отлично.

Но сначала я увидел не лестницу, а всю пещеру целиком, буквально захватившую своим видом мое внимание. За прошедшие дни и недели светящаяся водоросль мейстрелла невообразимо разрослась, заполонив все каменные сосульки до единой – включая те, что свисали с потолка, так же покрывшегося светящимся зеленоватым покрывалом из растительности. Кое-где остались голые скальные участки, но это явно ненадолго. Совокупного света с избытком хватало для освещения громадной пустоты, а сталагмиты и сталактиты казались величественными колоннами. Уменьшилась и влажность, причем очень заметно. Не иначе мейстрелла вытягивал из воздуха всю влагу и буквально слизывала ее с каменных поверхностей, жадно впитывая все без

остатка. Интересное решение проблемы с избыточной влажностью, столь пагубно влияющей на металл, бумагу и ткани.

Дальше, ближе к берегу, я увидел самые настоящие дома. Хоть и простенькие, но солидные каменные, с наличием оконных и дверных проемов. Основная и единственная широкая улица, одним концом упиралась в дом побольше, повыше. Не иначе там живет сам предводитель общины подгорного народа Койн. Ему по статусу положено.

Я, наверное, единственный из существующих во всем мире лидеров какого-либо селения, кто ютится в уголке во дворе напротив хлевов и коровников. Остальные предпочитают строить для себя настоящие хоромы или дворцы. Ну или нормальный дом на худой конец.

Медленно и тщательно оглядев все пространство приозерной пещеры я сделал для себя главный вывод: жить здесь можно. И довольно неплохо жить, хотя бы на первое время. Места более чем достаточно.

Но в моей голове крутилась смутная мысль об отсутствии солнечного света и о пагубном эффекте, влияющем на людей. Это гномам здесь привольно, а люди предпочитают видеть над головой небо. Пусть не обязательно синее, но настоящее небо. Если слишком долго перед глазами будут лишь светящиеся стены... многие могут несколько упасть духом, что для меня неприемлемо. Душевное здоровье столь же важно, как и телесное.

– Дома смотреть? – с нетерпением осведомился Тикса. – Грибы смотреть? Рыба щупать? Рудник идти? Водопад слушать? В мой дом в гости ходить?

– Не получится. – с сожалением вздохнул я, вслушиваясь в доносящийся грохот водопада. – Хотя... пошли посмотрим на грибы!

– Пошли! – воодушевился Тикса и первым запрыгал по ступенькам лестницы. – Грибы! А потом рыба, рудник, водопад, гости...

Ничего не ответив, я хмыкнул, поражаясь невероятной жизнерадостности этого народца. А затем бросил последний взгляд на подсвеченную зеленым панораму пещеры и последовал за шустрым гномом, осторожно ступая по шероховатым гранитным ступеням, уже начавшим зарастать тонкими светящимися плетями

водоросли.

Постоянное чувство тревоги и настороженность заставляли меня держаться поблизости от защитной стены – самого вероятного места нападения. И чтобы осмотреть поселение приходилось совершать короткие вылазки, нигде особо не задерживаясь. Но ради грибов я был готов сделать исключение – как-никак один из наших источников продовольствия.

Пока мы шли между светящимися колоссами каменных сосуллек с их гротескными заглаженными наплывами, встретили много кого из населения, всех как один занимающихся делами и явно чувствующих себя вольготно, не обращая внимания на нависшую над головами чудовищную массу камня. Задержался я лишь один раз – поздоровался со столь редко видимой мною гномой, командующей тремя людскими женщинами, что под ее неусыпным контролем осторожно срезали большие пласты светящегося мха и аккуратно складывали их в широкие плетеные корзины. Еще один способ разнообразить наш скудный рацион. На вкус неплохо – сам проверял. Чем-то напоминает подсоленный хлеб с едва заметной кислинкой.

А вот и грибница. Расположена вблизи от озерной кромки. И больше всего напоминает странные ряды длинных книжных шкафов, покрывшихся плесенью за долгие века. И лишь приглядевшись, можно заметить, что шкафы на самом деле аккуратно сложены из камней и являются невысокими стенами. Но полки имеются – такие глубокие желоба, на треть заполненные какой-то бурой массой с зелеными вкраплениями. Пахло здесь... сильно. Очень сильно и явно не благовониями. Тут пошибче запашок будет, хотя отчетливей всего чувствовался именно грибной запах.

А вот и сами грибы – растущие плотными колониями на той самой бурой массе. Толстые упитанные и коротенькие ножки, плотные шляпки странного оттенка – что-то темное и белесое одновременно, но не серое и не бурое. Тут тоже были жители, один гном и несколько людских стариков, неспешно и со знанием дела ходящих между каменными стенами с грубо сшитыми кожаными мешками на широкой лямке через плечо. Пока я стоял в отдалении и наблюдал, старики несколько раз запускали руки в свои мешки и, достав что-то явно влажное и рассыпчатое, понемногу досыпали то на одну, то на другую грибную «полку».

Подкормка?

– Грибы тоже кушать любят! – заулыбался Тикса, прочитав немой вопрос в моих глазах. – Там дальше яма есть! Глубокая! А в ней всякое очень для грибов вкусное! И очень, очень вонючее!

Значит, все-таки подкормка. Странный способ... не думал, что растения надо удобрять несколько раз во время роста. Но разбираюсь я в этом мало, а углублять свои знания не собираюсь. Мне и без того хлопот достаточно.

Вдоволь насмотревшись на грибницу подгорного народа, я окликнул Тиксу, и мы вместе зашагали вдоль озерной кромки, направляясь к месту, где находился уходящий в скалу сток для постоянно прибывающей воды.

Я буквально наслаждался столь малым сопровождением. Правда, гном Тикса похоже не знал такого слова и понятия как «молчание», но за время наших давних приключений и походов я уже успел к этому привыкнуть и даже немного соскучился по коверкающему слова говорливому коротышке. В последние недели он начисто выпал из моей жизни, скрываясь под землей и рубя камень.

Прямо напротив водопада, на песчаном берегу подземного озера суетилось несколько мальчишек, с натугой оттаскивающих от воды несколько темных разлапистых коряг. Туда, где выше по берегу лежал остальной медленно просыхающий улов древесины – ветки, большие лохмы коры, расщепленные и разломанные остатки бревен – видать, неплохо их потрепало о подводные камни.

Неподалеку от них сидело два стража-человека, разложивших на небольшом обрывке шкуры все необходимое для оснастки стрел. На перья, жилы и древка я внимания не обратил, а вот на каменные наконечники взглянул попристальней, жестом остановив собравшихся было вскочить часовых, приглядывающих за водопадом. Вдруг шурд какой сверзится и при этом останется жив. Да и дикий взбешенный зверь, случайно угодивший в воду и унесенный течением, нам здесь не нужен – много бед может натворить. И неважно, хищник это или травоядное, лось или медведь. И тот и другой крайне опасны, особенно если налетят на детей.

Наконечники для стрел привлекли меня своим материалом. Камень. Но не гранит, а явно совсем другая порода. Выглядит хрупким, но края наконечника остры, видно даже невооруженным взглядом.

– Тикса! А ну-ка тюкни пару раз по этому камешку! – один из стражей протянул гному продолговатый обломок очень темного и словно бы слоистого камня.

Тикса отказываться не стал и тут же начал «тюкать». Несколько звонких ударов, и камень рассыпался на тонкие пластины.

Давешний часовой удовлетворенно крикнул и, осторожно подобрал пластинки, прогудел:

– От и ладно. Дальше мы уж сами.

– Охотничьи. – заметил я, глядя на плоский и широкий наконечник у себя на ладони.

– Срезень. – подтвердил страж. – Но если немного иначе привязать, то и человеку влетит промеж ребер. Вернее, шурду поганому. Лишь бы брони на нем не было, да шкур поменьше намотано. За милую душу вспорет!

Кивнув, я вернул наконечник будущей стрелы и повернувшись к озеру, задал еще один вопрос:

– Рыба?

– На сегодня уже с избытком наловили, господин. – широко улыбнулся самый молодой стражник. – Это уже, почитай, не озеро, а садок. Решетка частая, только мелочь пузатая проскакивает сквозь нее. А крупной рыбе деться некуда, вся здесь остается.

– С голоду недохнет? – поинтересовался я.

То, что рыба не может уйти – это хорошо. Но ведь и они живые твари. Им тоже питаться надо. Хищникам рыбным здесь раздолье, а вот остальным? Не одними же водорослями они живы. А с насекомыми здесь туговато.

– Так вылавливаем же, – пожал плечами мужик, – и на кухню ее сразу, родимую. Так что сильно оголодать не успевает! И жирок не теряет. Хе! Можно бы и засолить, да с солью у нас туговато, господин.

– Понятно. – кивнул я и, коротким жестом попрощавшись, направился к гномьему городку, расположенному выше береговой кромки.

Прошел шагов двадцать и остановился, в полном изумлении изучая две стоявшие рядом каменные статуи.

Изумление было настолько большим, что на несколько минут у меня из головы напрочь вылетели все заботы и дела.

На небольших каменных постаментах стояло две статуи в полный рост, выполненные мастерски, неизвестный скульптор обладал большим талантом. Обе фигуры полностью узнаваемы. Одна изображает обычного человека с ничем особо не примечательной внешностью. Другая – закованный в полный доспех кошмар с десятком застывших каменных щупалец над головой, выстроившихся в неровный веер. В обеих скульптурах был запечатлен никто иной как я. Собственной персоной. В камне. Первая статуя, судя по всему, относилась ко времени, когда мы только познакомились, и гномы начали осваивать приозерную пещеру. Только тогда я и носил кожаный доспех и обладал нормальной внешностью. Вторая статуя... тут и думать нечего. Нежить в ниргальем доспехе со щупальцами-убийцами за плечами и в черном рваном плаще. Таким я был совсем недавно.

Внизу, на постаменте уходящем в землю, были выбиты какие-то заковыристые руны, но о чем именно они оповещали, я узнать не смог, ибо данным языком не владел. И посему ухватил за плечо ухмыляющегося Тиксу, легко подтащил его к себе и мрачно спросил:

– Это еще что такое?

– Друг Корис! – радостно отозвался гном и, ткнув пальцем в другую статую, повторил: – Друг Корис Сильный!

– Так и написано?

– Ага! – еще радостней заулыбался Тикса. – Очень красиво, да?

– Не знаю, что и сказать. – признался я, вглядываясь в темные и узкие смотровые щели глухого шлема. Хорошо, хоть не светятся.

– Я говорил – надо наверх поднять! На стену! Пусть все видят!

– Нет уж! – категорично отрезал я. – Как-нибудь перебьемся!

Не знаю, кто скульптор – а я обязательно узнаю! – но пусть эти два образчика искусства продолжают стоять на песчаном берегу подземного озера, мрачно вглядываясь в низвергающуюся с водопада воду. Вдруг чудом уцелевшие и выползшие на берег шурды при виде моих статуй – особенно второй – разом окочурятся от страха. Хоть польза будет.

– Теперь ко мне в гости? – с надеждой осведомился плутоватый гном.

– Пошли. – со вздохом согласился я, отводя взор от скульптур.

– Грибная настойка есть! Очень хорошая!

– Пожалуй, я выпью. – задумчиво отозвался я, все еще не придя в себя после ознакомления с местным творчеством.

– Не иначе как идолопоклонничеством гнусным попахивает. – сварливо проворчал хриплый голос, рядом со скульптурами остановился седоволосый худощавый старик, с неопределенным выражением синих глаз принявшийся оглядываться статуи. Особенно внимательно он смотрел на статую с вздыбившимися над головой щупальцами.

Засмеявшись, я оглядел отца Флатиса, отмечая произошедшие за последние дни изменения. Балахон тщательно отстиран и аккуратно заштопан, седая борода и волосы хорошо расчесаны, кожа лица хоть и не розовая как у младенца, но и не серая как у мертвеца. Наш священник пришел в себя после тягот путешествия. Оклемався старче.

В десятке шагов позади него стояло еще трое человек – два брата-монаха и седоволосый юноша-фанатик.

– Как спалось, отче?

– Твоими молитвами, Корис. – тонко усмехнулся отец Флатис, по-прежнему глядя на статую.

– То есть кошмары мучали всю ночь? – с надеждой предположил я.

– Узнаю прежнего ершистого юнца. – парировал старик и, наконец-то повернувшись ко мне, предложил: – Прогуляемся по бережку?

– Да мы только что... хотя можно. – пожал я плечами, прикидывая назначенный самому себе график. – Вот только с очередной закавыкой непонятной разберусь и сразу пойдем по бережку гулять.

– Закавыкой? Какой?

– А вон. – угрюмо кивнул я на стоящую поодаль троицу и, повысив голос, рявкнул: – Эй, бездельники! Какого Темного вы тут прохлаждаетесь?! У нас работы на всех хватит! А если не хотите работать, то я вмиг покажу, где выход из нашего дома!

– Мы сопровождаем святого отца...

– Я его сам сопровожу! – рыкнул я, приходя еще в большую ярость. – Три здоровых мужика! Слоняются без дела! А на кухню за обедом и ужином приходить не забываете! Ложками бодро стучите! А как работать – так сразу в сторонку отбегаете! Отец Флатис! Либо эти трое бездельников сейчас же берутся за дело, либо мне придется поступить по-своему. А вы меня знаете!

– Всем надлежит трудиться, спорить не буду, – кивнул священник, – но наш разговор был важен, Корис. Пока мы шагали, успели обсудить защитные меры, что следует предпринять в случае атаки нежити. Нет пользы в громком чтении отгоняющей зло молитвы, если она читается не там, где следует. Каждый должен точно знать, что ему делать и куда идти в случае нападения.

– Хм... – я начал остывать, но все же не удержался и добавил: – Так и надо было говорить: «обсуждаем защитные меры!». А то заладили одно и то же какой день

подряд: «сопровожаем... сопровождаем...». Успели все обсудить? Вот и хорошо – а теперь за работу! И подумайте вот о чем, монахи любезные – если церковная братия каждый день будет просто шататься по поселению и всячески избегать работы, то какой пример вы подадите людям?

– И гномам! – радостно поддакнул Тикса. – Очень плохой пример! Бездельники!

– Тикса! – одернул я коротышку и, позабыв о монахах, спросил священника: – А может, в гости к Тиксе заглянем? Посмотрим, как гномы живут. Только прошу, не надо здесь поминать Создателя – гномы молятся своему богу.

– Знаю. – вздохнул святой отец, потрепав молодого гнома по плечу. – Закоренелые язычники. Еще с древних времен существует договор между людьми и гномами касательно веры. Мы не пытаемся обратить их в свою веру, а они нас в свою. Именно о вере я и хотел с тобой побеседовать, Корис. И о твоей душе.

– О спасении моей души от геенны огненной? Может, сначала расхлебаем уже заварившуюся кашу, а потом уж будем печься о вечном спасении моей души?

– Нет. Просто о твоей душе. Непринятой «туда», как ты сам говорил. Пошли, прогуляемся.

Ведомые Тиксой мы вступили в черту строящегося города гномов. Города не по размерам, а по внешнему виду. Солидные каменные дома и выровненная скалистая поверхность единственной улицы прямо кричали об этом.

Приветственно кивая встреченным женщинам гномов, занятым хозяйством, мы медленно шли вперед. Я внимательно слушал священника, зашедшего слишком издалека.

– Начну я, пожалуй, с веры. Долгое время я убеждал себя, что вступил в светлые ряды Церкви по одной единственной причине. Потому что это – мое призвание. – говорил отец Флатис. – Если же говорить истину, то первые годы моей стези Искореняющего Ересь я вообще не задумывался о причинах, слепо выполняя приказы и везде, где только можно, находя и выжигая ересь и тьму. Моя душа разрывалась на части, ведомая местью и поиском утешения. Сейчас же, постарев, потеряв истовость и фанатичность, я начал задумываться о

прошедших годах. Я начал задумываться о Церкви. И осознал одну ужасную правду, познанную мною уже давно, но старательно загоняемую в самые далекие уголки моей души. Светлая Церковь вот уже долгие века печется не об окончательном истреблении тьмы в нашем мире, а лишь о своем благоденствии. Впервые я об этом задумался, когда мы преследовали отряд еретиков, пытавшихся скрыться от кары в далеких предгорьях Йердорахона, что высятся неподалеку от тех мест, откуда родом Рикар. Мало того, что они ускользнули от нас, так еще и силой захватили с собой нескольких ни в чем неповинных людей – женщин и детей. Мы почти нагнали приспешников тьмы, но в этот миг пришла «весть» от одного из иерархов Церкви, и наш старший приказал прекратить преследование и свернуть в сторону на более срочный и важный зов. Мы подчинились приказу. Мы свернули. И, не щадя лошадей, добрались до места, указанного «вестником». Знаешь, что именно мы там обнаружили?

– Боюсь, что нет. – пожал я плечами, коротким жестом одергивая попытавшегося было высказать предположение Тиксу.

– Мы обнаружили очень богатое поместье. – зло сверкнув глазами изрек отец Флатис. – Высокие стены, огромный цветущий сад, белокаменное здание посреди этого великолепия. Куда не глянь – цветы, фрукты, тугие струи фонтанов и беседки под сенью деревьев. Настоящий рай на земле. И портила его тишину и покой только крупная банда разбойников, среди которых был маг, перебившая охрану поместья и принявшаяся его разграблять. Мы как раз подоспели к моменту, когда из дома выносили награбленные вещи и грузили в две большие повозки – золото, картины, оружие и все прочее ценное. Разбойники были хороши в ратном деле, но противостоять ударному отряду Искореняющих Ересь не могли. Большую часть мы уничтожили, остальные разбежались кто куда. Вот только во время короткой битвы меня не оставляло чувство недоумения – ведь мы карали не приспешников тьмы, мы убивали простых людей. Пусть они преступники, пусть они убийцы, но это обычные люди. И для таких случаев существует мирская стража, которой должно найти и покарать негодяев. Это не дело Церкви! Но приказ мы выполнили. Пресекли грабеж, уничтожили и рассеяли разбойников. А затем выяснилось, что это отдаленное богатейшее поместье принадлежит одному из важных церковных иерархов. Он сам был в полной безопасности – скрылся в специальных потайных покоях вместе с челядью, где и переждал все неприятности. Он появился лишь в конце, небрежно одетый, распоясанный, брызгающий слюной и вопящий о том, что мы торопились слишком медленно и что многие картины и другие предметы искусства безнадежно испорчены. Он стоял посреди двора, окруженный окровавленными трупами своих стражей и разбойников, и орал на боевых

священников, многие из которых получили серьезные ранения, защищая его дом! Он не обратил внимания на молоденькую служанку с раскроенной головой, с задранной юбкой, жестоко изнасилованную. Его не печалило тело старого слуги, умершего на ступеньках дома с топором в руках, до последнего пытающегося защитить своего хозяина – выходя он попросту переступил через труп, брезгливо поддернув края богатого халата. Церковного иерарха волновали лишь испорченные вещи. И в тот миг, зажимая рукой рассеченное плечо и теряя кровь, я впервые задумался – почему мы пришли на его защиту? Ведь он из рядов Церкви! И если уж пришла беда, он должен был достойно принять разграбление или даже свою собственную смерть! Но вместо этого он с помощью «вестников» остановил отряд ордена Искореняющих Ересь, преследующий темных!

Замолчав, священник утер ладонью рот и машинально принял от Тиксы пузатую кожаную флягу. Сделал глоток и тут же поперхнулся и надсадно закашлялся.

– Крепкая! – довольно заулыбался гном, забирая флягу обратно. – Друг Корис? Пробовать?

– Пробовать. – кивнул я и приложился к горлышку фляги. Закашляться не закашлялся, но брага на самом деле крепка. И явственно ощущается вкус грибов и чего-то еще.

Дождавшись пока я проглочу, отец Флатис продолжил:

– Последней каплей оказались две девушки, выбежавшие вслед за иерархом. Хотя и молоденькие, но явно не его внучки, судя по откровенным нарядам и поведению. Провожаемые гневными криками хозяина поместья мы вскоре покинули его дом и продолжили преследование. Но время было упущено. Приспешникам тьмы удалось добраться до предгорий и затеряться в горах. Мы вернулись ни с чем. Эту горстку еретиков удалось выследить снова лишь через пару лет, в тот раз я вел Искореняющих, и после изнурительных поисков мы нашли их проклятое гнездо. Во время допроса я выяснил судьбу похищенных женщин и детей. Всех их жестоко замучили до смерти! А тела обратили в мертвяков! Ты когда-нибудь видел восставшего из мертвых ребенка пяти лет, Корис? А ведь тогда мы могли бы их спасти, могли бы успеть! Это был первый раз, когда я усомнился. И видит Создатель, за следующие годы мне приходилось терзаться сомнениями еще много раз. Не пойми превратно – я не усомнился в вере в Создателя Милостивого, но я усомнился в Церкви. Это был долгий путь,

начавшийся со слепой веры и закончившийся тяжким потрясением всех моих духовных основ. А последние дни лишь утвердили меня в осознании самой главной истины – Церковь прогнила до самого основания. В ней еще остались честные и светлые люди, истовые служители, пытающиеся защитить и спасти души. Но очень много и тех, кто лишь изображает веру, скрывая свою темную натуру за маской священника. В том небольшом прибрежном городке, где ты впервые увидел костяной кинжал, практически на том же самом месте я собственноручно испепелил предателя, перекинувшегo на сторону ереси. Именно тогда я и осознал окончательно – Церкви верить нельзя. И это откровение наполнило мою душу печалью...

– И снова – боюсь, не знаю что сказать...

– А и не надо. Я лишь хотел выговориться. – открыто признал священник, вновь беря флягу и делая большой глоток. – Иногда мне кажется, что я растратил свою жизнь зря. Но порой вспоминаются лица спасенных людей, и чувство тоски отступает. Я веду речь к тому, что больше не считаю себя священником, Корис. Меня не отлучили от Церкви, не лишали сана, но выполнять их приказы я больше не собираюсь. Ибо нет во мне доверия к их словам.

– Вы кому-нибудь еще это говорили, отче?

– Нет. А что?

– И не говорите. – попросил я. – Люди обрадованы возвращением сурового, но справедливого святого отца. Пусть так и остается.

– Это звучит мудро. – кивнул старик. – Многие нуждаются в согревающих душу ободрениях. Многие нуждаются в исповеди. И раз меня не лишили сана, я все еще остаюсь священником, хотя мои устои заметно поколебались. В свое время вера спасла меня, спасает и сейчас. Почему мы остановились?

– Мой дом! – радостно осклабился Тикса, указывая на совершенно пустой участок, находящийся промеж двух домов.

Впрочем, не совсем пустой – внутри имелась каменная лежанка, сложенный из камней невысокий стол и несколько хорошо обтесанных камней в качестве стульев. На лежанке имелось одеяло и несколько шкур.

- Это и есть твой дом? - оценив представшую взору картину, осведомился я.

- Да! Хороший дом! Кровать есть, стол есть! И шкаф есть!

Точно, за лежанкой спрятался сложенный из каменных плит шкаф с тремя полками, заполненными всякой всячиной. Какие-то камешки, глиняная посуда, наконечники для стрел и еще много-много чего.

- А стены? Крыша?

- Нету! - развел руками коротышка. - Я еще не женат! Дом строить некому.

- Весело вы живете. - признал я. - Точно... дома-то у вас жены строят.

- Снимать обувь! - потребовал Тикса.

- Это еще зачем?! У тебя дома нет!

- Это дом! Хороший дом! Если обувь не снимать - хотя бы вытирать! Вот половичок!

Тщательно вытерев ноги о действительно обнаружившийся у едва намеченного входа половичок, мы вошли «внутри». Строго тут у них... нет ни малейшего уединения для холостых гномов, перешагнувших подростковый возраст. Четкое разделение по статусам. Хочешь собственный дом - женись. А если не думаешь о продолжении рода, то и дом тебе не нужен, хватит каменной лежанки и пары звериных шкур. Суровая правда жизни...

Тикса хлопотал как радушный хозяин, ничуть не смущаясь отсутствием стен и прочих неперемных атрибутов жилища. Нас усадили на стулья, на столе появилось несколько мисок и три кружки. Сноровисто орудуя ножом, гном быстро нарезал ломоть вяленого мяса, добавил пару лепешек и разлил по кружкам гномью брагу. Можно приступать к скромной трапезе. Чем мы и занялись, не забывая о разговоре. Вернее, я больше слушал отца Флатиса, сегодня оказавшегося неожиданно разговорчивым.

Неспешно пережевывая волоконец мяса, священник продолжил ненадолго прерванный разговор:

– Все изменилось. Обросший щупальцами ледяной мертвец всеми силами защищает людей от нежити и шурдов. А светлые священники осознанно примыкают к приспешникам тьмы, начиная творить страшное зло. Скажи мне кто подобное лет двадцать назад, я бы приказал казнить его за столь еретические безумные слова. Теперь же эти слова слетают с моих собственных губ. Воистину, мы живем в ужасные времена, Корис.

– Не буду спорить. – пожал я плечами, в свою очередь подхватывая кусочек мяса и отправляя его в рот.

– Здесь не с чем спорить. И не о чем говорить. Я стал стар и брюзглив, совсем как те деревенские старики, над которыми мы любили подсмеиваться втихую и беззлобно, когда были детьми...

– Не думаю, что деревенские старики успели уничтожить столько нежити и прочей тьмы за свою жизнь. – заметил я. – Мечом, огнем и верой.

– Мечом, огнем и верой. – повторил отец Флатис. – Девиз ордена Искореняющих Ересь. Не знал, что ты его знаешь.

– Просто всплыло в памяти. – признался я. – Словно выплыло из какого-то темного закоулка души.

– Это хорошо, что ты вспомнил про свою душу. Именно о ней я и хотел с тобой побеседовать, Корис. О твоей бессмертной душе. На самом деле бессмертной, это не просто красивые слова, взятые из сочинения богослова. В отличие от тела, от брэнной оболочки, душа существует вечно. И для тебя, Корис, это означает долгие годы, наполненные мучениями.

– Вот тут я несколько недопонял, отче. – удивленно произнес я. – Пророчите мне попадание в ад?

– Хуже! Гораздо хуже! – буркнул старик. – Тебе нет ходу ни в ад, ни в рай! Ведь ты уже умирал, верно?

- Было дело. - кивнул я, начиная понимать, куда клонит старый священник.

- И тебя вернули. Потому как нет места твоей душе ТАМ. Я могу поверить, что душа вернулась из ада или рая. Так уже случалось. Тот же Риз Мертвящий скорбный тому пример - при помощи темной магии некромантии можно вырвать оттуда душу и при помощи мерзких ритуалов вселить в тело другого человека. Так было и с тобой, когда душа незнакомца была помещена в тело юного барона Кориса Ван Исер. Тем незнакомцем был ты... и раз уж после смерти твою душу не приняли, то возникает лишь один вопрос - откуда же ты взялся? Душа твоя пришла не из ада, не из рая... но откуда?

- Я не знаю. Либо знаю, но не помню. Память моя еще не вернулась, она словно бы повреждена и я никак не могу воскресить свои истинные воспоминания.

- Вот! - мне в лицо уткнулся сухой палец священника. - Верные слова! Твоя память повреждена, Корис! Она словно бы выжжена, словно бы стерта, но еще не до конца, ведь изредка ты вспоминаешь и говоришь странные и никем ранее не слышанные слова. Например, словечко «сталагмит», коим ты нарек эти светящиеся каменные сосульки. - священник кивнул на величественные каменные колонны покрытые светящимся мхом.

- Гериста. - тихонько пробубнил Тикса, называя созданные природой колонны на гномьем языке.

- Прошли долгие месяцы, после твоего появления здесь. Ты был ранен, затем выздоровел, снова получил ранение, умер, воскрес, превратился в ледяную нежить, избавился от своего страшного недуга, но ты так ничего и не вспомнил... - помолчав, священник спросил: - Что ты знаешь о том, куда душа отправляется после смерти тела?

- В раю прекрасные гурии и цветущие сады. - пожал я плечами. - В аду огонь и котлы с кипящей смолой, где варятся грешники.

- Это лишь сказка для мирян! - отмахнулся отец Флатис. - Но в ней есть изрядная доля правды. В аду - страдания и ужас. В раю - бесконечная радость. А на самом деле это все едино!

– Рай и ад едины? Святой отец, а вы, случаем, с гномьей брагой лишку не хватили? – изумился я.

– Слушай! Я пытаюсь донести до тебя свои мысли о твоей бессмертной душе! И не учи меня пить! Уж хмельного я побольше твоего выпил в своей жизни!

– Слушаю. – примиряющее произнес я. – Прошу прощения.

– Для мирян сия истина немислима – что рай и ад едины, что это одно и тоже место. Но Церковь знает. Или верит в это... Представь себе вот такой большой круг. – обмакнув палец в брагу, отец Флатис вывел на столешнице довольно ровную окружность. – Теперь представь, что внешняя, самая большая и самая удаленная от ярко сияющего центра часть – это ад. Именно туда попадают грешники. Эта часть самая темная, но, если верить словам побывавших в аду и вернувшихся, там воистину адское пекло. Вечная тьма и вечный обжигающий жар, пронизывающий тебя до самого нутра, опаляющий и одновременно очищающий твою душу. Средняя часть куда более светлая, но все столь же жаркая. У самой середины ослепляющий яркий свет не обжигающий, а согревающий душу и наполняющий ее великим ликованием и счастьем. Это и есть рай. А сама середка... это путь назад, путь вниз, в мир живых. Именно оттуда приходят новые и полностью очищенные души. И рождаются заново невинными младенцами, вновь начиная свой жизненный путь. Наши предки были куда более сведущи в этих делах. И они называли круг Великим Круговоротом, ибо все души умерших людей постоянно движутся по все сужающейся спирали, ведущей к центру, ведущей к выходу. Конец путь знаменует очищение и новое рождение. Такова истина, Корис, такова правда о рае и аде.

– Вот это да... – протянул я, ошарашенный нарисованной картиной.

– Самое главное в моих словах – очищение. Именно эти слова для тебя наиболее важны, Корис. Ты понимаешь, что значит очищение?

– Очищение от грехов. – предположил я.

– Да. И не только. – кивнул старик. – Душа бессмертна. И обязательно вновь вернется назад, обязательно познает новое рождение в новом теле. Но прежде чем вернуться, она должна быть очищена. И от грехов, и от старых

воспоминаний, и от старой личности. Ибо рожденный младенец невинен, память его пуста, он как книга с чистыми страницами, на которых лишь предстоит написать новые строки. Первый шаг, первое слово, лицо матери, первая любовь, первое убийство... Самые страшные грешники попадают во внешнюю часть Великого Круговорота и они медленно плывут по спирали сквозь тьму, постоянно ощущая невыносимую боль от выжигающего из их душ всю скверну пламени. Говорят, что самые страшные грехи, такие как детоубийство, оставляют на душе самые глубокие следы и воспоминания. Они как безобразные шрамы и раны на бестелесной бессмертной душе. Требуются столетия, чтобы выжечь эти следы без остатка. Одновременно с этим выжигаются твои воспоминания... это как медленно тлеющий пожар в библиотеке памяти. Все книжные тома медленно горят, сгорает страница за страницей. Вот ты уже не помнишь, как звали твоего отца, а теперь напрочь забыл, как выглядит лицо любимой женщины, с которой прожил всю жизнь. И под конец, когда душа подплывает к самому центру Великого Круговорота, она не помнит вообще ничего, пребывая в божественном экстазе и ликовании, пронизанная слепящим сиянием. А затем и новое рождение... новая смерть... и снова назад в Великий Круговорот.

- Погодите! Святой отец, хотите сказать, что именно поэтому моя память...

- Верно! Твоя душа пребывала в Великом Круговороте, Корис! Все же она там была! И была уже очень давно. Возможно, тысячи лет. Ведь воспоминания не могут стереться так быстро. На это требуется очень долгое время адского огня, медленно сжигающего самую твою суть, оставляя после себя лишь девственную чистоту. И снова на язык просится Риз Мертвящий – этого рыжего еретика, сумасшедшего детоубийцу и палача Тарис вернул из ада. Но Риз не превратился в ничего не помнящего недоумка. Хотя он пробыл в аду целых два столетия! Двести лет безжалостное пламя выжигало его душу, испепеляя его воспоминания миг за мигом. Но и он не мог не измениться! Возможно, он стал куда ущербней, чем раньше. Немного глупее, что-то забыл, что-то словно в тумане. Точно так же как и ты, Корис. Он тоже потерял часть себя навеки, ибо адское пламя на то и пламя, чтобы выжигать все без остатка. Вы оба, словно побывавшие в пылающей кузнечной домне корнеплоды – верхняя часть сожжена, превратилась в пепел, уцелело лишь самое нутро. Риза достали из печи гораздо быстрее, чем тебя. А вот ты до-о-олго пылал, Корис. Ты потерял куда больше. И только Создатель Милостивый ведает, что именно ты потерял, какие именно части твоей души превратились в прах.

– М-мать... то есть я...

– Ты жестоко обожжен, Корис. – с печалью кивнул священник и, ненадолго припав к глиняной кружке, добавил: – Твоя душа почти сгорела, почти очистилась. До возвращения в мир живых оставалось всего ничего, каких-то пару столетий безудержного ликования в раю, но тебя выдернули оттуда, силой заключив в тело барона Кориса Ван Исера.

– Но ведь я умер! И меня не вернули.

– Да. Не вернули. Что может говорить только об одном... что хоть ты и был в Великом Круговороте, вот только не в том, куда отправятся все ныне живущие после своей смерти. Твоя душа пылала где-то еще. И хотя мой разум подсказывает ответ, моя душа содрогается от нежелания принять его...

– Моя душа была выдернута из совсем другого Великого Круговорота... не из того, куда попадают все души этого мира...

– Моя душа в смятении... но во всем есть замысел Создателя! И не будем же сейчас рассуждать, откуда именно ты явился. Я завел речь об адском пламени лишь для того, чтобы дать тебе понять – если я прав, то твои воспоминания не вернуться никогда! Ибо они сожжены и развеялись прахом! Да, кое-что все же остались – твои странные словечки, твои рассуждения об обороне, о тактике ведения боя, твое поведение. Дорожи тем, что осталось, Корис. И не печалься, если мои предположения окажутся истиной. Ведь каждый день ты получаешь новые воспоминания. Чего тебе стоит бояться, так это смерти.

– Смерти боятся все. – ответил я, пребывая в глубокой задумчивости. – И как бы меня вновь не вернули обратно.

– Да... – кивнул отец Флатис. – Может, и вернут... если будет куда! В отличие от души, твое тело бrenно! А что если тебя убьют, а тело сожгут на костре? А что если разрубят на куски? И куда тогда денется твоя мятущаяся душа?

– Вы страшный человек, отче. Я только недавно избавился от состояния заживо замороженного, но вместо того, чтобы ободрить меня, вы пытаетесь повергнуть меня в еще большую пучину отчаяния.

– Радуйся!

– Тому, что мне уготовано?

– Тому, что от тебя ничего не скрывается! Я всю жизнь жил в потемках! Всю жизнь мне говорили лишь полуправду, иногда вообще ничего, а чаще всего просто лгали! Я же поступаю с тобой куда как более справедливо, Корис. Я говорю тебе правду. Какая бы она не была, это правда. Пусть горькая, пусть страшная, но, это правда. И не напугать тебя я хочу, а предостеречь – в следующий раз думай, что делаешь. Думай, когда бросаешься грудью на острые копья. Думай, когда в первых рядах врываешься во вражеские порядки. Ибо если ты падешь, а тело будет уничтожено, кто знает, что произойдет тогда.

– Мои воины тоже смертны, – пожал я плечами, – они тоже могут погибнуть, когда идут в первых рядах.

– Да. Также смертны. Но в отличие от тебя, Корис, они хотя бы знают, куда попадут! Им введомы их дороги. Прямоком в рай. Или в ад. А затем божественное очищение и перерождение. И зная это, смерти можно не бояться! А что касательно тебя – либо бесконечное скитание твоей души в бестелесной форме, либо еще что похуже. Поэтому в следующий раз, когда ты вновь примеришь на себя плащ полководца, помни – ты тот, кто командует, а не тот, кто теряет разум, бросаясь вперед в жажде убийства. Что ж... о душе мы побеседовали. Вернемся к делам приземленным... ты решил перейти к глухой обороне? Уйти в землю как крот?

– Эй! – воскликнул Тикса, но быстро увял под суровым взглядом старого священника.

– Почти. Если я и буду кротом, то очень кусачим. И в моей норе будет много выходов. А что?

– План хорош. Но я хочу поделиться с тобой знаниями. Последние дни я много говорил с людьми. В том числе с теми, кто пришел от разоренного Островного поселения. Эти ужасные мясные комы, перекатывающиеся сами по себе и поглощающие все живое.... Я знаю, что это. Древнее творение некромантов, последний раз замеченное в Диких Землях во времена великого восстания Западных Провинций. Замеченное в больших количествах. В те времена по

несчастливым деревушками перекачивались сонмы подобных тварей. Потом, после падения Тариса, после постройки Пограничной Стены, когда некромантов почти истребили, а выжившие затаились в темных крысиных норах, столь мощных тварей почти не было. Лишь изредка, когда то один, то другой некромант выползал из своего убежища и пытался возродить старые деньки. Так вот, Корис, мясные шары, Пожиратели, Крушители, Поглощающие плоть, они опасные не сами по себе, а тем, что они порождают.

- Порождают?

- Помнишь летающую тварь? Нежить, отрастившую себе крылья?

- Хотите сказать?..

- Это Пожиратель! Громадный ком мертвой плоти - это лишь первый шаг, самое начало. Он накапливает в себе жизненную энергию убитых людей или животных, после чего останавливается и начинает меняться внутри. Меняться по приказу хозяина-некроманта. Если тот возжелает птицу - из Пожирателя вылупится мерзкое крылатое создание. Если захочет большого зверя - появится клыкастая тварь. Захочет, чтобы Пожиратель распался на десяток меньших мясных комьев - случится и это. Пожелает больше силы - Пожиратель послушно отдаст ему всю накопленную жизненную энергию. Все зависит от надобностей и целей некроманта. И Пожиратель для него словно яйцо, из которого может вылупиться все, что он только пожелает. Пожиратель может создать даже твою полную копию, Корис - выглядящую так же, разговаривающую, но не имеющую твоей памяти. Твоя кукла, слепленная из мертвого мяса. Но если Пожиратель тебя пожрет, то он сможет поглотить не только твою жизненную силу и плоть, но твою память! Пусть не целиком, что-то будет потеряно, но кукла, слепленная по твоему образу и подобию будет многое помнить о тебе.

- Инкубатор. - помрачнев, произнес я. - Слепленное из мяса яйцо, могущее вылуплять из себя все, что потребуется некроманту. Плохо... да еще и копии людей. Перевертыши...

- Да. Перевертыши. В те времена пропавший было на несколько дней охотник часто возвращался обратно домой к радости семьи. А ночью вырезал не только жену и детей, но и всех обитателей остальных домов. А бывало, что такой вот «охотник», превращался в крохотный мясной ком и начинал собирать кровавую

жатву. Когда на следующее утро к деревне подходил некромант, она была абсолютно пуста и мертва, а на околице его дожидался выросший в разы Пожиратель, что убил и поглотил не только людей, но и всю скотину и птицу! Вот чем страшны некроманты, Корис – они могут найти источник силы буквально везде, где есть что-нибудь живое. Раньше ты сталкивался только с шурдами. Темные гоблины, вечно болеющие, почти ничего не знающие, кроме создания обычной нежити – мертвяки, пауки. Да, среди них попадаются шурды, умеющие чуть больше. Как тот старик, что восседал верхом на плененном сгархе. Но даже он по сравнению с некромантами древних времен просто ничтожество. А Тарис Ван Санти из числа тех, кто сравнился в могуществе и знаниях с наидревнейшими темными жрецами. А может, и превзошел их. Превзошел самих Раатхи.

– Видимо, он любил почитать. – невесело хмыкнул я, пытаюсь «уложить» нарисованную отцом Флатисом картину в своей голове.

– Читать? Немыслимо! – громыхнул священник, со стуком опустив кружку на стол. – У него был учитель! Невозможно научиться тому, чего достиг Тарис, просто изучая случайно и тайно найденные книги! Его кто-то наставлял. Кто-то очень многое знающий! Тарис был неудачником от рождения! Вторым мальчик в правящей династии! Принц на замену – если престолонаследник Империи внезапно умрет, что при постоянном нахождении рядом с ним лучших Исцеляющих почти невозможно! Он с детства видел, как воспитывают из его брата настоящего Императора, сам при этом оставаясь в тени. Лучшие подарки на торжествах – брату! Лучшие и красивейшие девушки улыбаются не ему – брату! На дни рождения брату дарят меч и доспехи, а Тарису достаются книги и красивые одежды. Брату читают лекции по полководческому делу, возят в войска, знакомят с героями и генералами! А младшему принцу намекают, что для него нет лучшей доли, чем уйти в лоно Церкви и стать священником! А затем, когда брат занял престол, Тариса и вовсе отправили с глаз долой в Западные Провинции, лишь бы он не мозолил глаза в столице. И тут, всего спустя несколько лет, Тарис становится весьма сведущим некромантом, причем до самого последнего момента об этом не подозревал никто, включая придворных священнослужителей и собственного исповедника принца! Такое невысказано без постоянного участия опытного наставника, умудрившегося остаться незамеченным по сей день! Кто-то страшный и грозный, темный еретик, ненавидящий Свет и поклоняющийся Тьме, взял руку Тариса и долго вел его за собой, показывая темные закоулки некромантии. Обучил, как остаться незамеченным, как сохранить все в секрете, как не выдать себя исповеднику. Показал или создал место, где можно свободно практиковаться в мерзких

ритуалах, как приносить жертвы. И научил, как отбирать людей, что удержат язык за зубами, по одному слову похитят и доставят деревенских девушек, юношей или детей из отдаленных селений и положат их на кровавый алтарь. И не будут задавать вопросов. Мы, орден Искореняющих Ересь, наши патриархи, мои учителя, а теперь я сам и многие мои боевые товарищи долгие годы искали эту тварь! В наших летописных анналах ему даже дали имя – Источник Скверны! В эти толстые тома мы вписывали все случаи, где за спинами ничтожеств, в темноте, скрывался кто-то очень опасный, опытный, умелый, ловко дергающий за ниточки марионеток – новоявленных некромантов, еретичных проповедников. Мы уничтожали гнездо за гнездом, пытали еретиков, попавших в наши руки живыми. И многие под пытками сознавались – да, был учитель! Был наставник! Но либо не знали его имени, либо же называли имя вымышленное, никуда не ведущее! Но его голос! Его голос все они описывали одинаково – проникновенный, ласковый, успокаивающий и толкающий на свершения. Иногда голос менялся и становился шипящим, злобным, грозным! Все пойманные нами еретики, некоторые из которых скрывались от отрядов священников целыми десятилетиями, все они первым делом вспоминали не о внешнем облике и не об имени, но о Голосе! О путеводном для них Голосе, всегда готовом подсказать особо жестокий и темный путь для достижения своей цели! Тарис... принц Тарис, некромант Тарис... он всего лишь обычный завистливый человечиска, пытающийся стать кем-то значимым! И лорд Ван Ферсис – он похож на Тариса. Не только своим стремлением к запретным знаниям и могуществу, но и отголоском звенящего Голоса за его спиной! Они оба испили из источника скверны!

– Яростная речь, отче. – с трудом проглотив гномью настойку, просипел я. – Вам бы в столичных церквях проповеди читать. Но мне их читать не надо, святой отец, уж не в обиду пусть будет сказано. Меня больше интересуют не странные голоса, а вещи более простые. Пожиратели. Как их уничтожить? Если быстрый безотказный способ?

– А есть ли быстрый и безотказный способ убить человека? Ответ – зависит от убийцы, от условий и самого человека. Так и здесь, Корис. Сжечь. Развоплотить. Заморозить, как сделал тот маг с Острова. Резать или рубить бесполезно. В старину их загоняли в ловушку – обычную глубокую яму. Так поступали, когда под рукой не оказывалось магов или священников. В яму, куда рухнул Пожиратель, сыпали дрова, уголь, выливали масло и поджигали. Тварь горела долго, бесновалась, но горела. Но у нас здесь не земля. У нас под ногами прочный гранит.

– Очень прочный! – согласился гном, доливая нам настойку щедрой рукой и себя не забывая. – Красивый! Прочный!

– Вырыть много ям, а вернее вырубить их в камне не удастся. А когда под руками столь мало рабочих рук...

– Значит, полная блокада, – кивнул я. – и подготовка дополнительных путей для отхода. Тикса...

– Да? – обрадовался гном, что его наконец-то заметили и допустили к беседе.

– Сколько времени потребуется гномам, чтобы, к примеру, прорубить в скале очень длинный подземный проход?

– Как длинный? Как большой?

– Три... четыре лиги. Чтобы могли пройти люди и сгархи.

– У-у-у-у-у...

– Это невысказано, Корис. – качнул головой священник.

– Мыслимо! – не согласился Тикса. – Но очень долго! Очень-очень! Гномов мало!

– Погодите! – поднял я ладонь. – Это если рубить в цельном камне. Если заново прорубать штольню, проход. А если расширить уже имеющийся? И для начала сделать коридор не столь уж широким и высоким. Лишь бы люди и гномы сумели пройти по одному.

– Уже имеющийся? – хором спросили священник и гном, причем у Тиксы внезапно пропал акцент. Причем полностью. Не иначе как от удивления – где-то есть проход, а гномы о нем не знают.

– Тот, по которому из озера уходит избыток воды. – не стал я томить собеседников. – Целая река! Целая широкая река уходит в скалу и выходит из нее где-то далеко. Я не поверю, что за долгие века река изрядно не расширила

себе проход с избытком, и что там нет мест, где есть воздух для дыхания.

- О-о-о-о... - теперь в голосе Тиксы звучало не уныние, а неподдельное восхищение. - Друг Корис! Очень... очень... о-о-о-о!

- Предположим, рубить потихоньку только верхнюю часть стока, - продолжал развивать я свою мысль, - причем не большими глыбами, а маленькими кусками, размером с кулак, может, чуть больше. Отбитые камни упадут в воду, и их унесет бурным течением. Не будет завалов, не понадобится оттаскивать кучи камня в сторону. Не придется даже решетку убирать. Пусть работать будет только один гном... медленно, но постоянно.

- Мы уже так делать! В других местах!

- Уверен, что кое-где у подземного стока окажется настолько высокий свод, что и рубить не придется - можно будет просто пройти.

- Вода ледяная... - заметил отец Флатис.

- Ледяная. - согласился я. - Но уверен, что гномы найдут способ рубить камень и при этом не касаться воды. Много горячего травяного настоя и немного гномьей браги. Теплая одежда. В общем - все решаемо. Я не уверен, что затея выполнима. Но разведать это направление просто необходимо.

- А зачем? Ради побега?

- Чтобы было! - жестко ответил я. - Если что - да, для побега! А также для глубоких вылазок в тыл врага. Ради вылазок за продовольствием, если уж совсем припрет. А еще я хочу отправить в Дикие Земли малый, но хорошо снаряженный и вооруженный отряд. С парой надежных и знающих свое дело братьев-монахов.

- Куда именно? За помощью к Пограничной Стене? Не выйдет...

- Я знаю. Не к Стене. А к ближайшим отметкам на карте, обозначающим еще живые людские поселения. Не последние же мы остались? Причем отряд я хочу отправить, если не сегодня, так завтра. Потому что если проклятый Тарис

возродился и вытащил из ада еще одного дикого зверя Риза, то вскоре на всей территории Диких Земель не останется ничего живого! Людей надо предупредить: либо пусть присоединяются к нам, либо пусть бегут прочь. Если не поверят – что ж, значит, им суждено умереть. Отряд уйдет через наш черный выход. К тому времени, когда он вернется, если будет осада, мы окажемся в кольце врагов. Поэтому понадобится еще один вход, причем скрытый и расположенный далеко от Подковы. А также мне понадобится еще десяток пташек как тот глухарь, доставляющий послания. Только более хорошие летуны. Для того чтобы отряд мог отсылать нам сообщения. Я надеюсь, отец Флатис, что вам под силу попросить пташек нам помочь и послужить на благое дело. И «вестники» ...

– «Вестники»?

– У меня осталось довольно много этих бесполезных, но столь красивых разноцветных шариков. Если это возможно – сможете их перепрограммировать и переадресовать на другого получателя?

– Что сделать, сын мой?

– М-м-м... изменить имя получателя. Несколько шариков на мое имя. Несколько на предводителя отряда и на его заместителя. Кровь из носа, но мне нужна возможность обмениваться сообщениями с теми, кто вне стен Подковы. Если не «вестники» – какой-нибудь еще способ кроме птиц, что иногда столь медленны и столь легко убиваемы из вражеского лука.

– Планы твои... велики, Корис.

– Оченно!

– Мои планы грандиозны! Иначе нельзя. – ответил я. – Если мыслить лишь о том, как забиться в темный угол и попытаться переждать беду... долго мы так не протянем!

– Я сделаю все, что в моих силах.

– А я побежать за Койн! Друг Корис, ты ведь сказать, чтобы Тикса рубить камень, а не другой гном?

– Благодарю вас всех. – улыбнулся я.

– Насчет отрядов, Корис... я рад слышать, что ты так сильно переживаешь за другие поселения. Это достойно похвалы. Но отправить слишком большие отряды мы не можем, а если посылать слишком маленькие – они могут погибнуть в любой стычке.

– Знаю... – угрюмо ответил я. – Знаю... Но что делать? Оставить все как есть?

– Почему же? Ты уже назвал способ, Корис. Птицы.

– Продолжайте, отче. – уже догадываясь, попросил я.

– Я много раз видел здесь птиц, обитающих прямо на Подкове, на карнизах и в щелях. Среди них есть и скалистые горлицы. Птахи небольшие, легкие, остающиеся на зимовку, к еде неприхотливы и умеют добывать пищу в любое время года. Чем не самый лучший разведчик? И кто обратит внимание на парочку серых неприметных горлиц, перепархивающих с ветви на ветвь или летящих куда-то по своим птичьим делам? Доставьте мне пару десятков этих птах, и я попрошу их помочь благому делу.

– Попросите помочь? – задумался было я, но отмахнулся от размышлений и дал утвердительный ответ: – Хорошо! Сегодня же мы попробуем поймать столько горлиц, сколько сможем. Но смогут ли они понять, где нежить или шурды, и отличить их от живых людей?

– О да! Именно поэтому скалистых горлиц в старину приучали селиться прямо на зданиях церквей. Специально для них строили широкие карнизы и оставляли промежутки в кирпичной кладке. И в городах раньше горлиц ой как привечали! И сейчас им рады, хотя за века благополучия многое подзабылось. Увидев и почуяв нежить, эти птицы взлетают в воздух и начинают кружить над домами с тревожным криком. Так что да, Корис – эти птицы умеют отличить нежить от живых людей. Да и я немного нашепчу им.

– И привязать к лапе крохотный кусочек тонкой кожи с нацарапанным предупреждением о беде. – добавил я, воодушевляясь все больше.

– Не сразу, – качнул головой старик, – сначала пусть найдут живое поселение. Птиц отправим парами. И если отыщут таковое, одна останется приглядывать, а другая вернется назад. И вот тогда мы отправим с ней послание. Ведь не хочешь же ты, чтобы враги невольно узнали о твоих планах? Если же в поселение вторгнется нежить, птаха-соглядатай тут же полетит обратно, неся нам предупреждение.

– Отче, а каковы шансы на успех? Долетят ли?

– Веры в успех мало. Хищные звери, непогода, нежить... но все лучше, чем, если бы вместо горлиц гибли люди, верно?

– Тогда так и поступим. Святой отец... а можно ли несколько горлиц направить к лагерю врага? И посмотреть, чем эти твари заняты...

– Я думал, ты и не спросишь. – усмехнулся священник. – Можно. Птица подлетит, посмотрит и вернется обратно. Но считать и писать горлица не умеет, поэтому нам придется довольствоваться лишь обрывками видений, столь быстро исчезающих из крохотной головы мелкой птички. А если по дороге обратно птаха отвлечется на жирного червяка или упитанную муху...

– Все лучше, чем ничего. – заметил я, довольно потирая ладони. – Великолепно! А какой груз могут поднимать горлицы?

– О чем ты, Корис? Груз? Послание переправить?

– Да нет. Скажем, пронести над лагерем врага дырявый мешочек с молотым цветком Раймены... или там наконечник стрелы уронить. Можно простой, а можно отравленный или освященный. А лучше все вместе сразу. Чтобы какую-нибудь тварь поганую и ранило, и отравило ядом и святой силой шарахнуло! А если крупную птицу отправить? Того же тетерева! Он и мешочек побольше унесет...

– Корис...

– Или сразу пять-шесть крупных птиц...

– Корис!

– А? Простите, отче, замечтался.

– Только я один посвящен в то, как «угговорить» птицу, создание божье, помочь в беде. Научиться этому можно, но учиться придется долго. Я сам в день смогу «поговорить» с двумя-тремя птахами, на что уйдет очень много сил. Поэтому, если ты уже представил, как на врагов летит сотня птиц, несущих заговоренные божьим словом наконечники для стрел, камни и мешочки с молотой Райменой... забудь об этом. На разведку птицу невеликую послать смогу. Ту же горлицу. И ответ от нее получить, пока он из памяти у беззаботного создания не исчез. Смогу и пару горлиц отправить в указанную тобой сторону, дабы искали они людей.

– Эх... отец Флатис, а как же птицы-разведчики? Они ведь дни и ночи лететь будут, много времени пройдет. Они не забудут наказа?

– Наказ – это не видение, Корис. Его так просто из памяти не сотрешь. Но и он не вечен, со временем исчезает.

– Ясно... хоть по-прежнему очень жаль. Отче, я так понял, что «угговаривать» птичку вы будет с помощью жизненной силы, а не магии. И раз так – только не сердчайте сразу – в чем разница между Церковью и некромантами?

– Тьфу на тебя! Как можно не видеть разницу! Я у птахи ни единой крохи ее силы не возьму! Наоборот – поделюсь своей! Вот почему я не могу проделать то же самое сразу с десятком горлиц или тетеревов. Мои силы не бесконечны. И я уже стар. А с годами сил не прибавляется. Еще лет десять назад я мог попросить помощи сразу у пяти или шести птиц. Да и волка мог угговорить помочь, один раз и медведь мне на помощь пришел. А те друиды, что из лесов, этим и живут! Волки им мясо приносят, птицы как око в небе, а лисицы предупредят о врагах, скрывающихся под кронами деревьев. Оттого Рикар меня и называл друидом.

– И снова – жаль, очень жаль...

– Довольствуйся малым и будет тебе многое даровано Создателем! – нравоучительно заметил отец Флатис, и я скривился как от кислого яблока.

– Даровано... спорить не буду. Однако, отче, если вы это проделать можете, то сумеет ли Тарис?

– Да!

– Проклятье!

– Свои силы он на птичку-невеличку не потратит, но у него и заемной жизненной энергии хватает! Надо будет – пару гоблинов замучит до смерти, зачерпнет их силы и напоит хоть десяток птиц. Этим часто пользуются поганые некроманты, скрывающиеся в глуши. Отряд Церкви спешит на его поимку, а эта погань уже получила весточку от замороженного божьего создания и улепетывает со всех ног.

– Друиды, некроманты, священники... – пробормотал я. – Вы жили и живете за счет одной и той же силы. Но в свое время Светлая Церковь решила объявить монополию на этот источник могущества... иначе и не скажешь.

– Монополию? Такого слова не ведаю, но не иначе как хулу возводишь на смиренных слуг Создателя!

– Да нет... мысли вслух. – улыбнулся я, одним махом допивая оставшуюся в кружке гномью настойку. – Отец Флатис, а я смогу?

– Что? Довести меня до белого каления? Это у тебя воистину хорошо и часто получается!

– Нет... поделиться с птичкой своей силой?

– Эка на что замахнулся-то!

– А что? Разве нам помешает пара лишних зорких глаз в небе? Пойдемте, отче, пора отправлять разведчика пернатого к стану врага. – усмехнулся я вставая. Пошатнулся, ухватился рукой за стол. – Вот это настойка!

- Да-да! - засиял Тикса. - Очень крепкая!

- Пойдем уж. - вздохнул старик, поднимаясь совершенно ровно и не выказывая ни малейших признаков опьянения. - Но птицу ловить сами будете! Я еще в свои-то годы по скалам чтобы прыгал! Нет уж!

- Я прыгать! - заверил нас гном. - Очень хорошо прыгать!

- А спьяну не промахнешься мимо камня и в бездну не ухнешь? - усомнился я, заглядывая в чересчур блестящие глаза Тиксы.

- Не ухнуть!

- И чего ты столь выпил-то!

- Как чего? Одному пить запрещено! - удивленно отозвался коротышка, поддерживая меня под локоть. - Древний закон! Только с кем-то!

- Ну и обычаи у вас. - вздохнул я. - Ладно, пошли, хитрый ты наш. Отец Флатис! Куда вы так рванули? Я едва ноги переставляю после пары кружек!

- Не те нынче мужики пошли! Ох, не те! - донесся из зеленоватого сумрака сварливый голос старика. - Жду!

- Так почему я не смогу поделиться с птицей частью своей силы?

- Причин много! Например, запомни одну истину, Корис - малое всегда притягивается к большему! Уходит без остатка!

- Это к чему вы сейчас? Малое... к большему.

- У кого жизненной силы больше? У тебя, здорового лба, или у птички-невелички?

- У меня, думаю. Вот теперь понял, к чему клоните.

– Сделаешь что не так – и вместо того, чтобы вдохнуть в птаху чуть больше силы, выпьешь ее досуха! И получишь крохотное безжизненное тельце и грех на душу возьмешь! Можно птицу аль зверя копьем или стрелой бить, но вот так промышлять... то грех великий! Что ни на есть некромантия темная! А можешь в другом ошибиться – отдашь чересчур много! И тогда сам заболеешь, ослабнешь, может и рука омертветь и отсохнуть. Ну или иная часть тела. Чаще всего недоучки-священники слепнут или ноги у них на время отнимаются. Иногда и умирают! Не забывай – некроманты спокойны в своих мерзких ритуалах лишь потому, что если и делятся силой, то не своей!

– Я бы все же хотел попробовать. – пожал я плечами. – Особо терять нечего, когда под стенами такая мерзость засела. Но для начала посмотрю, как это делаете вы. Вдруг что увижу и пойму.

– Посмотрит он... – пробрюзжал отец Флатис, размашисто шагая по скальному дну обжитой приозерной пещеры. Мы с Тиксой едва за ним поспевали, при этом гном втихаря пихал мне флягу с остатком браги, успев к ней сам основательно приложиться. – Посмотрит он... В этом и есть разница между нами и некромантами. Те берут без спроса чужое, а мы отдаем свое! А темной волшбой кто увлекается... их утробы мерзкие ненасытны! Читал я в одной книге старой из нашей орденской церковной библиотеки про подобных кровопийц, до такой степени упившихся чужой силой, что по сравнению с ними Тарис Некромант всего лишь пустое место! Раньше жрецы поганого темного бога, настолько питывались силой, что стоило им зайти, к примеру, в наполненный людьми зал, как там все падали мертвыми! За один миг лишались жизни, а жрец всего лишь сделал шаг вперед! Всего лишь вошел в дверь!

– Вот это да... – выдохнул я, представив подобный кошмар.

Обычный с виду человек просто заходит в людное место и одним только своим присутствием там обращает его в могильник...

– Почему же никто не вспоминал о подобных некромантах, отче? У всех только Тарис на языке.

– Потому что древние упоминания и легенды о подобных проклятых созданиях денно и ночью искоренялись Церковью. Жглись книги, затыкались рты бардов и сказочников бродячих, любящих страшить деревенский народ лунной ночью под

дармовое пиво! И поверь, Корис – в этом нет ничего плохого! Иногда лучше не знать. Чтобы никто втайне, в глубине души своей, не возмечтал о подобном могуществе. Пусть мечтают стать светлыми героями, доблестными солдатами, стяжавшими славу на ратных полях. Слишком уж легкий путь во тьму. Слишком легко поддаваться сначала мечтаниям, а затем начать искать уцелевшие книги с запретными знаниями, а оттуда и до пыток безвинных людей рукой подать. Впрочем, сейчас не помогут и мечтания. Настолько могущественными больше никому не стать.

– Потому что Церковь на страже?

– И поэтому тоже. А еще потому, что невозможно скопить столько силы в одном человеческом теле, Корис. Она разорвет тебя на куски. А если и не разорвет, то ты все свое время будешь тратить на то, чтобы обуздать переполняющую тебя жизненную энергию, чтобы она не вырвалась. Таким был Тарис – он нахапал столь много силы, что уже не смог покинуть усиленный темной волшбой жертвенный зиккурат. Стоило бы ему покинуть верхнюю комнату с алтарем, его бы разорвало на мелкие куски!

– В него воткнули кинжал! После чего случился такой катаклизм, что весь город под землю ушел, а провал залило морской водой! Но он остался цел... его не разорвало.

– Ему повезло. Потому что Тарис был внутри зиккурата. Потому что часть силы ушла через воткнутый в его тело кинжал. Как через дыру в переполненном ведре. Зацепило и Лестера Защитника, самым краешком, но этого хватило чтобы состарить его лет на двадцать, если судить по изменениям в его внешнем облике, описанном в церковных рукописных трудах. Уничтожило город! Вот что значит не совладать с рвущейся наружу чужой жизненной энергией! Потому и многие жрецы темного бога никогда не покидали своих храмов. Знали, что стоит им отойти от сдерживающих печатей, как их мгновенно порвет на клочки! Потому и Церкви в те времена было всегда легко найти верховного жреца – а что его искать, если он храма покинуть не может? Прямо там и творит ритуалы, создает ужасных тварей, выпуская наружу и натравливая на врагов. Туда ему и жертвы доставляли на алтарь. А боевые священники того времени предпочитали внутрь не соваться. Просто ломали печати в стенах или целиком обрушивали темные храмы. Но я говорил не о верховных жрецах, Корис. Я говорил о тех, кто вопреки всему спокойно ходил по земле, невзирая на ту мощь, что бурлила в их жилах! И до сих пор никто не ведает, как именно им удавалось сдерживать

столь великую силу в своих телах и не погибнуть при этом. Но их истребили ценой огромных потерь. Но все же истребили безжалостно. Ибо были среди них те, кто омертвлял целые города древности, просто пройдясь по их улицам! Если и ведали они что-то, то знание навеки исчезло вместе с ними, с Истинными Раатхи, унесшими тайну в свои могилы.

– Истинными Раатхи?

– Так они себя называли. Их было немного, но этого хватило, чтобы на века обескровить многие страны древних эпох! Мы счастливы уже тем, что не родились в те ужасные времена и не познали тот ужас, шествующий по земле! Тикса! В той фляге еще осталось что?

– Очень чуть-чуть!

– Давай сюда! Вы и так уже едва на ногах держитесь. Нет, все же времена не те. И враги, слава Создателю, похлипше стали, но и мужчины давно уже... эх, да что там говорить! Пошли птичку ловить!

– А старче то наклюкался. – шепотом произнес я гному на ухо, наваливаясь на него всем телом. – Разговорился.

– И мы тоже! Клюкались! – радостно ответил Тикса. – Хорошо! Теперь я птичку ловить! Ух!

Шагая вслед за священником, я невольно задумался. В недавней беседе старик вывалил на меня целую гору, казалось бы, бессвязных и бесполезных воспоминаний. Не могу сказать, что я досконально изучил характер священника, но был уверен, что старик не стал бы говорить просто ради того, чтобы выговориться. Он не таков.

Полученные от отца Флатиса сведения расширили мое видение общей ситуации. Вывели его на новый уровень, за границы проблем нашего маленького поселения. А крепкая гномья настойка подействовала на мой разум как мощный таран, заставив направить мысли совсем в другую сторону.

Таинственный учитель... темный наставник... ведущий к ереси... источник скверны...

Странное сочетание слов всплывало в моем опьяневшему мозгу, пока я шел по полутемным коридорам, пронизывающим недра Подковы.

Если у принца Тариса на самом деле был учитель, то он не мог бы выбрать лучшего момента для своего появления, чем то время, когда Тарис был отослан в далекие Западные Провинции. Именно тогда, если следовать логике вещей, будущий великий некромант должен был дойти до точки кипения. До предела своей ненависти ко всем и ко всему. Ищущего власти, ищущего рычага, ищущего утоления своей злобы. Там, в центре Империи, на золотом троне восседал его брат, опередивший его в рождении на крошечный промежуток времени. И благодаря этому опередивший младшего Тариса во всем. Кто виноват? Мать? Ведь в ее чреве два плода были распределены столь неравным образом, когда при рождении один получает все, а другой ничего. Судьба? Рок?

Да... в те дни лучшего момента было бы не выбрать. Сначала подсунуть снадаемому злобой принцу небольшую книжицу с обрывками запретных и столь многообещающих знаний. Убедиться, что пища упала в жадно поглотивший, а не отвергнувший ее желудок и продолжить кормление, увеличив дозу... Младший принц жадно глотал и глотал, но никак не мог насытиться. Но всегда находилась добавка... И вскоре Тарис от чтения приступил к делу. Первые жертвы... будь я на его месте, для первых попыток выбрал бы существ, которых никто не хватится. Животных, к примеру. Или тех, кого приравнивают к животным. Тех же безобидных горных гоблинов – чем не идеальный материал для мерзких опытов? Возможно, именно тогда Тарис и познакомился со своим таинственным учителем напрямую, почерпнул от него еще больше сведений и увяз в темном болоте еще сильнее. А затем грянуло великое восстание Западных Провинций, чуть позже началась самая настоящая война. В результате которой Тарис Некромант был повержен, некогда густонаселенные и плодородные провинции превратились в оскверненные и исковерканные войной Дикие Земли, вследствие чего были отгорожены Пограничной Стеной.

Казалось бы, добро восторжествовало над злом. Ликуйте люди! Победа!

Но победа ли?

Слишком уж сильно теперь Дикие Земли напоминали самый настоящий рассадник зла, где медленно развивающаяся тьма надежно защищена от могущего уничтожить ее света высокой защитной стеной. А стена заодно является и кормушкой – ведь изредка на эту сторону выплевывают неугодных людей, отправляя их на поселение и смерть.

И кому тогда была выгодна постройка чудовищно дорогой Стены?

И для чего была развязана война?

Ради того, чтобы Тарис сверг своего светозарного братца и сел на трон Империи?

Или же вся война была лишь ради постройки этой самой стены?

Я склонялся к последнему. У меня нет опыта правления государством, но окажись я на месте тогдашнего правителя, я бы отказался от постройки стены, но приказал бы направить все войска с магами и священниками в те земли, дабы они искоренили и выжгли там всем темное. Дабы уничтожили все следы недавней войны. После чего незамедлительно послал туда сотни обычных людей, приказав им заселить опустевшие земли, вновь очистить и вспахать заросшие поля, заново отстроить дома и города. Я бы возродил искореженные войной провинции. Когда-то я уже размышлял об этом – в те дни, когда пустился в сторону Стены в поисках исцеления от ледяной хвори. И с тех пор мое мнение не изменилось. Стена невыгодна никому из известных мне сил. Но ее все же построили и тщательно охраняют. Ради чего? Или кого? Что в Диких Землях нужно оберегать от людей? Что нужно защищать от уничтожения?

На ум приходят только шурды. Медленно рождающееся государство темных гоблинов, уже считающих, что все Дикие Земли принадлежат им по праву. Шурдов все больше, они всеядны, они используют некромантию без малейшего сомнения, они кровожадны и нетерпимы к другим расам...

Прямо-таки идеальное сочетание. На таких можно и нужно делать ставку в неизвестном мне замысле.

Нет... тут что-то не сходится.

Да, если искать истинное зло на территории Диких Земель, то, прежде всего, палец укажет на мерзких темных шурдов. Вот, мол, самая главная напасть... вот он, источник тьмы... вот самая страшная беда...

Но разве это так?

Кто такие шурды? Мелкие некроманты? Да, их много, но прошли целые века, а из шурдов так и не выросло ничего могущественного. Возможно, если подождать еще пару веков, здесь возникнет настоящая цивилизация, основанная на темной некромантии. Вот только случится ли это? Каждый третий из шурдов медленно гниет из-за врожденных болезней или сильно изуродован до такой степени, что не может пользоваться руками, еле ходит и может умереть даже от обычной простуды.

Сделал бы я ставку на них?

Нет. Ни за что.

Это глупо – ждать, пока из уродцев вылупится что-то стоящее. Столь долгий срок ожидания может позволить себе вечная природа. И Создатель. И никто больше.

Если бы в моих планах стояло получение большого количества бесхозной земли ради какой-то темной цели, то я этой цели достиг. Вот она земля – огромный кусище проклятой части материка. Что дальше?

Для чего может понадобиться столь большая территория? Замысел грандиозный...

Но дальше-то что? Проклятье! Все время в мой пьяный рассудок лезут мерзкие шурды... но это обманка! На нее повелись многие, но я в это уже не верю! Не в шурдах дело!

Как сюда вписывается Алларисса, нарочно отправленная в Дикие Земли?! Не в жертву же шурдам ее послали! Не затем, чтобы она вышла замуж за шурдского главного шамана или правителя. Бред! А целое поселение?! То поселение, в котором она жила и которое с потрохами принадлежало старому лорду. Не

решил же лорд Ван Ферсис присягнуть на верность темным гоблинам? Если я верно понял его характер, то старый лорд очень схож с Тарисом Некромантом – он так же с молодости жаждал могущества, жаждал чего-то особого. И вряд ли грязные вонючие шурды могут претендовать на роль чего-то такого. Так в чем же тогда смысл обустройства здесь поселения?

Что-то связанное с шурдами? Я упускаю что-то связанное с мерзкими темными гоблинами? Старый лорд Ван Ферсис поддерживал какие-то контакты с шурдами? Торговые отношения? Дипломатические?

Нет, нет и нет! Ведь именно шурды уничтожили поселение Ван Ферсис, вырезав защитников, пообедав их телами и уведя с собой пленных. Так себе отношения... так кошка относится к мыши. Не в шурдах дело!

Но поселение было очень важно для старого лорда. Он возлагал на него большие надежды, по высшему разряду снарядил людей, дал им магическую защиту, послал туда своего родственника... свою внучку. Заставил выращивать скотину и пшеницу в больших количествах. Для чего? Шурдов подкармливать? Чушь! Но куда могла деться такая прорва продовольствия? Торговать не с кем! А земля здесь богатая, плодородная, неистощенная частыми посевами. Урожаи должны быть великими, амбары ломились бы от зерна, а вскормленная нежной густой травой скотина плодилась бы и плодилась... но куда маленькому поселению столько еды?! Мы вон не сеем и не жнем, но ведь живем!

Ответа нет...

А если зайти с другого бока? Вновь попытаться поставить себя на место таинственной силы, что-то планирующей и претворяющей в жизнь согласно своим замыслам...

Стена построена. Огромная часть суши обезлюдела. И не только часть суши – там и остров есть опустевший.

Остров Гангрис. Некогда густозаселенный. Туда вторглась армия Тариса, возглавляемая самим Ризом Мертвящим. И безжалостно вырезала всех без исключения. Там была кровавая бойня...

Был ли в этом замысел таинственного «Источника Скверны»?

Нет. Почему? Потому что это остров под суровой единой властью умного и жесткого правителя! А еще?

Потому что безутешный отец получил от кого-то странную темную книгу, сейчас лежащую в моей сумке. И в этой книге описан донельзя странный ритуал по вживлению в живое человеческое тело ледяного кристалла... Таинственная книга от таинственного кого-то... и сомневаюсь, что темный ритуал был направлен на исцеление ребенка. Потому что я сам прошел через это, долгое время был ледяной статуей, убивающей ради насыщения себя чужой жизненной энергией. Откуда могла взяться такая книга? Откуда мог жаждущий спасения любимого ребенка отец получить ее? Вывод напрашивается сам собой – от Источника Скверны.

А для чего, будь я этим самым Источником Скверны, вручил бы я такую книгу правителю замкнутого островка?

Именной по этой причине – отдаленный остров. Редко посещаемый, в замок попадает еще меньше случайных людей, правитель знает все и вся о каждом чужаке. Идеальное место для выращивания из парализованного ребенка чего-то... но чего, мать твою?! Что дает ледяной кристалл? Я не верю тому, что говорит лживая книга. Потому что нельзя верить в то, что не можешь проверить и доказать.

НО! Если силы Тариса атаковали остров и уничтожили там все живое, значит, Тарис попросту не был посвящен в замыслы Источника Скверны. Почему? Разве на Тариса не было поставлено все? Нет... не было. Ведь если я поставил себя на место «Темного Наставника» и решил, что согласно моим замыслам должна быть построена Пограничная Стена... тогда Тарис должен быть повержен! Ведь победы он в войне, введи он свои войска и нежить на территорию Империи, никакой Пограничной Стены построено не будет! Потому что Тарис Некромант стал бы новым правителем. Себе на уме, никому не подчиняющимся и не желающим плясать под дудку кого-либо, и плевать, насколько этот «кто-то» таинственен и темен. Я король! Я решаю сам! А «Темному Наставнику» горячий привет и до свидания! Спасибо за помощь и прощай...

Но Тарис был повержен. И все посчитали это собственным достижением и личным героизмом Листера Защитника. Добро победило! Вива-а-а-ат! А теперь давайте построим стену... запрем тьму на той стороне навсегда!

То есть, Тарис был лишь... разменной монетой? Призовой лошастью, которую отдали мяснику после того, как она выиграла нужный забег? Может быть... но у меня нет доказательств. Но в любом случае Тарис Некромант был повержен, заключен в Илсеру и забыт к чертям собачьим, превратившись в обычную детскую страшилку.

Но в пользу версии о роли Тариса в качестве разменной монеты говорит тот факт, что за столетия его никто не попытался вытащить. Я не про неумелых шурдов, а про «Источник Скверны». Что ж наставник не вытащил своего все еще живого ученичка из могилы? Или из ада? Ведь это возможно – вон, Риз давно умер, а теперь воскрес, тварь, и бегает вокруг моего поселения! Попал бы он в мои руки... я бы из этой погани жизнь по капле в день выдавливал! У-у-у-у... гномья настойка на самом деле крепка. Эк меня понесло...

Вернусь к размышлениям.... Тариса списали со счетов. Сбросили с доски как отыгравшую свою фигуру. Дальше что?

Вот Дикие Земли. Вот Стена. Дальше?

Шурды так же отпадают.

Остается поселение Ван Ферсис, остается Алларисса с ее непонятной ролью в этих событиях. Остается лорд Ван Ферсис собственной персоной, по-прежнему живой и пакостничающий. И если предположить, что старый лорд так же «испил» из Источника Скверны, то бишь пообщался и продолжает общаться и выполнять приказы таинственного темного учителя, то многое сразу увязывается в единое целое. Продолжение какого-то замысла...

«Учитель» отдает приказы лорду... лорд отдает приказы своим людям. Цепочка, ведущая куда-то...

Но кто они все? Если, одним словом?

Люди...

Все они люди.

И получается, что ставка сделана на людей, а не на шурдов. А эти мерзкие уродцы темные гоблины играют лишь побочную роль – представляют собой нынешнюю «великую угрозу из-за стены». Ибо все боятся именно шурдов, которые то и дело нападают на Стену. И тем самым отвлекают внимание на себя.

Люди... то есть, Дикие Земли как инкубатор для выращивания нового поколения людей-некромантов? Причем некромантов настоящих, обладающих могущественными знаниями и силой...

Но тогда где они?

За все время, проведенное в Диких Землях, я что-то нигде не видел слоняющихся по округе мужиков в темных балахонах... нигде не видел следов темных ритуалов, не слышал гнусных песнопений. И мои люди не видели.

Странные порождения древней магии – да.

Сгархи – да.

Шурды – да.

Нежить – полным-полно.

Но никаких могущественных некромантов-людей.

Правда, Дикие Земли велики. Тут можно что угодно спрятать в дикой местности, и никто не найдет. Это же целая часть материка...

Ладно. Предположим, что тут где-то есть люди, помогающие претворению некоего темного замысла в жизнь. Поселение Ван Ферсис тому доказательство. И выращиваемое им зерно и скотина. Ведь это продовольствие. Направляемое куда-то. То есть, поселение Ван Ферсис – это пищевая база, обеспечивающая кормежку еще большего числа едоков... вот и первый звонкий факт, долгое время проходящий мимо моего тупого сознания.

Если есть кормильцы – есть и едоки.

Хорошо, пусть так... в Диких Землях есть люди. Как сюда попали? Да под видом тех же поселенцев, к примеру. Провел же своих людей старый лорд Ван Ферсис через кордоны. Да и моря-океаны со всех сторон! А один большой корабль может мно-о-ого людишек сюда доставить. Тому доказательством и я сам, вернувшись недавно сюда на корабле.

Люди есть. Примем это за факт. Черт... что-то меня покачивает... и Тикса меня уже не одной рукой поддерживает, а прямо упирается мне в бок плечом, чтобы я не упал. Чертова гномья настойка!

Люди в Диких Землях... темные люди...

Люди, ведущие себя очень тихо, никуда не высывающиеся, получающие продовольствие со стороны.

И что они делают?

Учатся некромантии в своей некромантской школе? Возможно. Но не слишком ли надолго затянулся учебный год?

Двести лет прошло!

Либо ученики чрезмерно тупые, либо наука очень уж сложна. За двести лет можно не только обучить чему угодно, но вырастить несколько поколений некромантов да и небольшую армию собрать и обучить. Тут все зависит только от людских поставок и начального количества людей. Так чего же они ждут?

Выжидали удобный момент? Так он давно настал. Последний из рода Ван Санти недавно умер, на трон сел какой-то новый дворянский род, чему многие не обрадовались. В бывшей Империи сейчас междоусобные разборки, настоящая гражданская война. Армия, возможно, раздроблена, отряды наемников поредели из-за постоянных схваток. В Церкви раскол – ведь там проявились приспешники тьмы.

Если сложить все вместе...

Империя сейчас как уже приготовленный и разделанный цыпленок на обеденном блюде. Бери и отрывай любой лакомый кусочек. Хочешь, возьми крылышко, или ножку, или можно съесть цыпленка целиком.

А засевшие в этих землях некроманты даже не подумали воспользоваться таким шикарным шансом?

Если здесь столь серьезная организация, то помимо больших воинских и некромантских сил она обладает и возможностью быть в курсе самых свежих новостей.

Но они продолжают чего-то ждать. Приказа? Особой даты? Дня рождения своего учителя? Если подобные люди существуют, то чего они ждут?

Ждут... а ждут ли они? Может, заняты чем-то помимо обучения? Но чем? За прошедшие века они могли бы достичь чего угодно. Нет смысла выжидать двести лет, если на то нет очень веской причины. За двести лет можно выстроить огромный город! С большими зданиями, дворцами и с белокаменными храмами... хотя нет. Это же некроманты. Если бы они что и строили, то только жертвенные зиккураты с мерзкими алтарями...

Храмы... Зиккураты... с особыми печатями, сдерживающими мощь внутри верховных жрецов... то есть, это места, позволяющие накопить очень много чужой жизненной силы. И раз их строили в древности, значит, подобные места очень важны. Например, для создания особо мощной нежити, наподобие тех Пожирателей, но куда сильнее, быстрее и тому подобное. Ведь нет смысла для верховного жреца напиться чужой жизненной энергией как паук-кровосос и потом просто сидеть внутри храма и любоваться природой через окошко... что-то же он с этой бурлящей в его жилах мощью делал?

– Святой от-тец... – икнул я, всем телом навалившись на кряхтящего Тиксу. – А эти темные храмы некромантов... ик! Какого лешего их строили?

– Ради мерзких кровавых жертвоприношений! Погань! – гулко отозвался слегка покачивающийся старик. – Все до единого их жертвенники уничтожили! Каждый камушек, напитавшийся людской кровью, размолоти в порошок, а оставшуюся каменную пыль вывезли на кораблях в море, после чего корабли сожгли! Все ко дну пошло!

– Камни, пропитавшиеся кровью? – спросил я. – Знакомое словосочетание. Или это метафора, отче?

– Метафора? Это что ни на есть быль! Настоящие темные храмы строили из камня крови! Того же самого, на котором твои люди присягали тебе на верность. Вот почему Церковь к подобным клятвам относится крайне настороженно, Корис. Ибо это почти ритуал! Да что там почти – он и есть! И если бы не дворянские роды, привыкшие намертво привязывать к себе людей, то давно бы запретили подобное под страхом смертной казни на костре!

– Камень крови... но зиккурат Тариса был из другого камня... – наморщил я лоб, предаваясь воспоминаниям. – Я ведь там был... я видел...

– То лишь обычный жертвенник! Со сдерживающими печатями. Так... никчемная поделка. Но гнусная поделка! Кровавая!

– Да-да, – закивал я, – а настоящие храмы из камня крови?

– О да! Из камня крови. Строящиеся долго – годами мерзкие приспешники тьмы в древности складывали ряд за рядом свои храмы. Пропитывали кровью замученных людей, насыщали жизненной энергией, проводили ритуалы по сдерживанию силы, плясали там свои мерзкие пляски... Тьфу!

– Как долго?

– Что долго?

– Как долго строить великий темный храм? – несколько осипшим голосом поинтересовался я.

– Великий? Нет в нем ничего великого!

– Так сколько? Десять лет? Двадцать? Сорок?!

– В точности не ведаю. Ох... оскользнулся... ну и настойка... Храмы... главный храм приспешников тьмы раньше высился на территории нынешней Империи.

Место нам известно, и оно по сей день проклято. Густым лесом заросло, но зверье там не живет. И каждый день ходят там церковные отряды, неустанно читая молитвы очищения. И все равно скверну не изжили за тысячелетия! Так по слухам их главный храм строили на протяжении четырехсот лет. Ибо каждый новый ряд камней можно класть только после соблюдения особых ритуалов, зависящих не только от количества пролитой крови, но и от положения звезд. От солнечных затмений, что бывают нечасто – иногда каждые сто лет по несколько раз, а иногда пару раз за век. Еще написано, что после каждой новой закладки камней надо принести в жертву особого человека. Абы какой, мол, им не сгодится кровопийцам! Особенно мерзко было мне читать про то, что якобы, когда главный храм достроен, в него сумеет прийти сам Темный! Сумеет ненадолго вселиться в тело особым образом подготовленного и прошедшего через кровавые ритуалы человека... и что если жрецы изопьют крови того человека, то причастятся к самому Темному! И обретут через причастие новую небывалую мощь. А уж тот, кого осквернил своим вселением Темный, станет чуть ли не темным мессией! Фу! Не хочу об этом говорить! Душа переворачивается! Проклятые темные сказки! Сколько таких книг мы сожгли! А их владельцев распяли и тоже сожгли, хотя они до последнего кричали сии безумные слова сквозь дым и пламя! Корчились, но кричали! Скоро, мол, грядет пришествие Темного! Но все одно захлебнулись они словами своими грешными. Много было страшного в древние времена, но, слава Создателю, все проклятые храмы мы сровняли с землей! Очистили землю от страшной скверны!

– Ик! – поддержал страстную речь священника гном Тикса.

– О-о-о... – выдавил я, с трудом удержавшись на ногах, ибо они враз ослабли. – О-о-о...

– Корису очень хорошо! – подытожил Тикса, глядя на мое лицо. – Гномья настойка!

– Все в порядке? – осведомился священник.

– Да. – выговорил я, выпрямляясь. – Гномья брага и правда крепка. Идем дальше. Пора ловить и уговаривать птиц. Тикса, впереди отворот к заброшенной шахте. Койн там? Или остался в городе?

– В шахте!

– Найди его и поспрошай о прорубке прохода через подземный отток озерной воды. Если спросит, где я сейчас, скажешь, что я на вершине Подковы. Понял?

– Понял! И убежать!

Гном резко ускорился, в два счета опередив меня и отца Флатиса. Еще через миг его фигурка виднелась далеко впереди, едва заметная в зеленоватом сумраке огромной пещеры.

– Корис...

– Отче?

– Помни про испепеляющий ад... и помни мои слова про Риза.

– Выжигающее пламя?

– Очищающее пламя, Корис, очищающее. Чистота души приходит через боль сожжения заживо. Это и есть настоящее очищение. Помни, что Риз уже не тот. Двести лет он провел, летя сквозь неистовое адское пламя... возможно, он растратил часть своей змеиной хитрости, что так часто ему приписывали. Возможно, утратил часть воспоминаний. Доказательством тому его безумный полет на спине летающей нежити, что недавно навестила поселение и была «гостеприимно» встречена моим огнем.

– Риз разведывал наши укрепления, оглядывал двор и прочее. Заодно пытался нагнать страха. – заметил я. – Не вижу странности. Все логично.

– Да что ты? – язвительно буркнул отец Флатис. – Любишь ты странные словечки... вот только не разумней было бы со стороны Риза вовсе не показывать нам летающую тварь? Что это за полководец, что самолично раскрывает свои козыри? И что это за полководец, пускающийся в опасный полет над стеной, усеянной стрелками с луками и арбалетами? Ведь Риз не мертв! Он вернулся из ада, заняв чужое тело. В его жилах течет кровь, он дышит, его сердце бьется. И он может вновь умереть от серьезного ранения, ожога или падения с высоты... он сейчас обычный человек! И если верить рукописным свидетельствам, оставшимся в исторических манускриптах, то раньше Риз Мертвящий был

совершенно иным. Куда более осторожным, изворотливым, не рискующим понапрасну, до последнего скрывающим свои реальные силы, предпочитавшим наносить удар внезапно, оттуда, откуда его никто не ждет... Он умел смертельно удивлять своего противника. И уже потом приступал к мерзкой жестокости. Вот таким был настоящий Риз, наводящий ужас на все не покорившиеся воле Тариса части Западных Провинций! А сейчас я видел не легендарного полководца, а рыжего лохматого безумца, оскалившегося в сумасшедшей улыбке и оседлавшего крылатую тварь ради забавы! Если Тарис рассчитывал вытащить из ада своего бывшего полководца, оставившего в исторической летописи глубокий кровавый след... думаю, он несколько просчитался. Что дает нам чуть больший шанс выжить.

– Возможно. – согласился я. – Возможно... но обладая многократным численным перевесом и поддержкой некромантии, не нужно особой хитрости. Достаточно лишь скомандовать сигнал к атаке. Я не стану скидывать Риза со счетов, только потому что он хорошенько прожарился в аду. Ведь если верить вашим словам, отче, я сам там побывал. И адское пламя терзало мою душу куда дольше. Но ведь я не чувствую своей ущербности ни в чем, кроме потери воспоминаний.

– Что ж... с этим я поспорить не могу. Но моя душа возрадуется, если проклятый Риз потерял в аду хотя бы крохотную толику своих умений.

– И-и-и р-раз... – моя рука на несколько мгновений прижалась к выдававшемуся из стены куску камня и сразу же отдернулась, избегая ожога. – Хм...

От сырого камня повалил пар. Мое лицо осветила довольная улыбка нашкодившего мальчишки.

– Укрепил... – вздохнул седой священник, взглянув на меня укоризненным взглядом. – Укрепил камень! Торчащий из стены камень. И почто же, сын мой, потратил ты силушку свою магическую на сие действие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/dem-mihaylov/krov-i-plamya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)